

фантастическая
история

Андрей Дай

Столица для поводыря

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Фантастическая История

Андрей Дай

Столица для поводыря

«АЛЬФА-КНИГА»

2014

Дай А. Ю.

Столица для поводыря / А. Ю. Дай — «АЛЬФА-КНИГА»,
2014 — (Фантастическая История)

ISBN 978-5-9922-1652-3

История – тяжелая и неповоротливая штука. Но покоится на тончайшем острие настоящего. И стоит совсем чуть-чуть что-то изменить, как все известное поводырю грядущее обрушивается камнепадом. Главное – не попасть под обвал. 1865 год. Российская империя. Проклятый и прощенный губернатор, умерший в 21 веке, продолжает искупать грехи. Томская губерния должна измениться. Но у вельмож в столице империи на это может быть другой взгляд.

ISBN 978-5-9922-1652-3

© Дай А. Ю., 2014
© АЛЬФА-КНИГА, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Дай

Столица для поводыря

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Огромное спасибо сударыне Александре Андреевой и господам Алексею Герасимову (Сэй Алек), Сергею Гончаруку и Владимиру Цанову за неоценимые советы и помощь в поиске информации

Пролог

Столица праздновала, как в последний раз. Что в мое прежнее время, на полторы сотни лет вперед, что теперь, в 1865 году. Город другой, а традиции совершенно те же самые. Город, мнивший себя всей страной, взорвался безумными святочными сатурналиями. Усыпанный конфетти, до тошноты обожравшийся сладостей, ярко расцвеченный елочными свечками во тьме умиротворенной империи.

Заботы и нужды, доносы и прошения волевой рукой генерал-губернатора оказались задвинуты подальше. За Обводной канал, в Россию. Санкт-Петербург вспыхнул газовой иллюминацией, яркими флагами и блестками. В центральной части внутри полицейских кордонов присутственные места покрылись еловыми венками. Дальше это новомодное немецкое украшение пока не проникало. Во избежание недоразумений, так сказать. Потому как темные крестьяне продолжали считать елку знаком питейного заведения.

На Невском конным экипажам приходилось пробираться сквозь толпы празднично наряженной публики, в основном штатской. Город негласно делился на две части: достойную высшей аристократии и офицерства и прочую – такую, как главный проспект, который при всей своей показной роскоши и помпезности оставался средоточием многочисленных лавок и магазинов, то есть чем-то торговым, плутоватым и продажным. А по ночам – еще и опасным. Прилично одетого господина здесь легко могли ограбить. И уж точно задержают непристойными предложениями тысячи проституток.

Зато в приличных, вроде Невской набережной, местах святочный разгул достигал истинно римского размаха. Лучшие дома держали двери открытыми, и на бесчисленные балы являлись запросто, без приглашений. Упившихся до помутнения рассудка гостей укладывали на коврах и кушетках...

В Английском клубе старики обсуждали молодежь и грустили о минувших временах порядка. Ностальгировали по эпохе владыки Николая Первого. В Немецком клубе, в павильонах Измайловского сада другие седовласые господа пили пиво и хвалились крупными пакетами долей в акционерных обществах. Те, что не успели обвешаться орденами и обзавестись чинами при прошлом императоре.

Молодые и те, кто к ним себя причислял, предавались веселью бездумно, без политической подоплеки. В Михайловском парке кадеты палили из ледяных пушек вырезанными из льда ядрами и помогали институткам забраться по узким лестницам на самый верх высоченной ледяной горки. В Летнем пьяные до белых глаз конногвардейцы отобрали у цыган медведя и заставляли прохожих пить со зверем на брудершафт.

По Петровской площади кругами катались многоместные тройки с бубенцами, и «золотая молодежь» перебрасывалась шутками и тостами. Шампанским забрызгали брусчатку, помнящую кровь декабристов. Бронзовый Петр звал куда-то вдаль, вперед, к одному ему известной цели. Его не слышали и не слушали. Всем было не до скрытых в тумане будущего горизонтов. Парящий на легком морозце Петербург отдался развлечениям со всей широтой и педантичностью своей русско-немецкой души.

Глава 1

Блеск

– Do you speak English?

Говорила мне мама – учи английский! Послушайся я ее тогда – не почувствовал бы себя невеждой тем вечером в Михайловском дворце. Но ни я, ни Герман к этому международному языку торговцев прилежания не имели.

– Французский или немецкий, ваше высочество?

– Ну этим-то, господин губернатор, нашу публику не удивить, – обаятельно улыбнулся наследник престола. – Идемте хоть в парк. Там нынелюдно и шумно. На нас не станут обращать внимания.

И тут же, совсем немного повернув голову, позвал:

– Вово, ты, конечно, составишь нам компанию? Неужто тебе не любопытен мой спаситель?

В голосе Никсы прозвучал столь легкий привкус сарказма, что, не будь я весьма заинтересованным лицом, нипочем бы не расслышал. Впрочем, к вящему моему огорчению, близкий друг цесаревича, князь Владимир Мещерский, тоже умел разбираться в оттенках настроения своего высокородного приятеля.

– Непременно, мой государь. Непременно! Ты же знаешь, экий я модник...

Сволочь! И ведь в морду не плюнешь. На дуэль не вызовешь. Все в рамках приличий. Ни одно имя не было названо, пальцем у прекрасно воспитанных поганцев тыкать не принято. Кому нужно – издевку и так поймет. Я же понял!

Князь действительно слыл известным модником. Теперь с легкой руки своих воспитателей-русофилов Николай Александрович ввел в столице моду на русские древности. Сначала в Аничковом дворце, а потом и повсеместно стали появляться молодые люди, одетые в кафтаны с меховой оторочкой времен Иоанна IV. Вот и теперь Мещерский щеголял соболями поверх терлика, расшитого золотыми петлицами с кистями, – такой наряд прежде, до Петра, носили царские охранники.

Но тогда, у садовых дверей Михайловского дворца, Вово говорил о другой моде. О той, что после рождественского заявления царя охватила аристократические дома столицы. О моде на меня, едрешкин корень, – спасителя Надежды России. О, как же я устал таскаться по скучным приемам! Как же меня бесят никчемные разговоры и один и тот же, задаваемый на разные голоса и с помощью разных слов вопрос: «Как вы думаете, дорогой Герман Густавович, успел ли заговор проникнуть в лучшие дома Санкт-Петербурга?» Что означало: «Рискнет ли Александр одним махом избавиться от недоброжелателей? От тянущих на себя одеяло власти династий? От проворовавшихся чинуш и обленившихся генералов?» Сейчас, пока об окончании сыска еще не объявлено, – самое время. И столица со страху ухнула в загул.

Приглашение на святочный прием во дворце великой княгини Елены Павловны с собственноручно сделанной припиской «он непременно будет» я воспринял как чудесное избавление от «общественной нагрузки».

Николай медленно шел по расчищенной аллее, время от времени, будто вспоминая, опираясь на украшенную серебряными узорами трость. Еще полгода назад и помыслить нельзя было о том, чтобы увидеть наследника престола проявляющим слабость. Теперь – нет. Теперь ему стало можно. Не обязательно стало целыми днями сопровождать в седле маневры гвардии, врачи категорически возражали против ежедневных прежде ледяных ванн. Трость – тоже теперь в порядке вещей. И этот высокий, узкоплечий и широкозадый цесаревич должен был быть мне благодарен.

Должен! Но не был. Я и раньше слышал, что наследник весьма сдержан в проявлении чувств. Видел, как он поджимает припухлую, как у всех юношей, нижнюю губу. Как по лицу пробегает гримаса боли, когда он думает, что его никто не видит. Но ведь улыбка у него замечательная. Искренняя и открытая...

Еще этот Мещерский! Понятно, что молодой, младше меня лет на пять, чиновник по особым поручениям при особой канцелярии МВД, надворный советник и князь отчаянно ревновал цесаревича. Непонятно почему, кстати. В ближники я к цесаревичу не набивался.

Впрочем, я не унывал. Провожают все-таки по уму. Даже в этом наряженном столицей огромной империи городе на берегу неприветливого моря.

– А расскажите, будьте так любезны, как вы спасали мне жизнь, – почти безжизненным, потусторонним голосом выговорил наследник. Словно бы обязан был спросить, но никакого энтузиазма от этого не испытывал.

– Да какая теперь разница, ваше высочество, – хмыкнул я. Молодые люди мельком бросили в мою сторону заинтересованный взгляд. – Главное – все, слава господа, получилось.

– Так заговор есть или нет? – угрюмо любопытствовал Вово, пинками расшвыривая аккуратную снежную стену.

– Нет, конечно, – сделав вид, будто опечален необходимостью объяснять прописные истины, вздохнул я. – Неужели кто-то мог в это поверить?

– Но ведь этот... фрондер Мезенцев...

– Зачем же тогда? – перебил приятеля великий князь. – Чего вы намерены добиться, подняв весь этот шум?

– Я уже добился, ваше высочество, – улыбнулся я. – Вы под надзором опытных докторов. Ваше здоровье вне опасности.

Честно говоря, Никса не выглядел совершенно здоровым. Его явно все еще беспокоили боли в спине, лицо было слишком бледным, а белки глаз – желтоватыми. Но теперь юношу хотя бы не изводили чрезмерными нагрузками.

– Я вас правильно понимаю? Вы, господин действительный статский советник, хотите сказать, что я был смертельно болен? И как же вы узнали об этом? Или все это... – юноша покрутил свободной от трости кистью руки, – вам предложил сделать Петр Георгиевич?

– Ваше императорское высочество, вы позволите мне говорить откровенно?

– Да-да, конечно. И давайте уже... Герман Густавович, по-простому. По имени с отчетом.

Князь Мещерский саркастически хмыкнул, но ничего не сказал. Мимо пронеслась ватага верещававших от восторга детей. За поворотом аллеи, за деревьями, начинался фейерверк.

– Николай Александрович, давайте уже оставим это. Приказывал мне принц или я сам, сидючи в Сибири, каким-то мистическим способом разузнал, что ваша жизнь в опасности, – какая теперь разница? Мне и моим покровителям, княгине Елене Павловне и принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому, все удалось. И довольно об этом.

Цесаревич нахмурился и приоткрыл было рот, собираясь что-то сказать. Что-то злое и жесткое. Я прекрасно понимал, что нельзя этак вот, грубо и дерзко, говорить с наследником престола, но все-таки снова решительно его перебил. В отличие от бормотавшего молитвы Германа я не испытывал никакого пиетета к царствующей фамилии.

– Мне ничего не нужно. Я не намерен добиваться для себя каких-либо должностей или чинов. Я и ордена-то не заслужил...

С рождественского приема в Зимнем дворце я вернулся в дом старого генерала с орденом Святого Равноапостольного Князя Владимира третьей степени на шее. С черным таким эмалевым крестиком на красно-черной ленточке и камер-юнкером в придачу.

– И в Петербург бы не поехал, коли Петр Георгиевич бы не настоял. У меня в Томске дел намечено – на две жизни хватит. Вот праздники пройдут, встречусь с... с кое-кем – и уеду. Нужно успеть до распутицы...

– Недоимки спешите выбивать? – скривился князь. – Или полы в присутствии перестилать?

Никса фыркнул и полез за платком. Зима вносит свои коррективы. Холодный ветер с моря не только цесаревичу намочил нос.

– Какие недоимки? Какие полы? – удивился я. Откуда мне было знать, что это, по мнению молодых столичных либералов, основные занятия провинциальных губернаторов. Такую вот рекламу сделал нам господин Салтыков-Щедрин, едрешкин корень.

– Ну так похвалитесь своими делами, раз уж изволили воспользоваться приглашением государя. – Мещерский сам рыл себе могилу.

– Извольте, Владимир Петрович. Я расскажу... Осенью я начал готовить три экспедиции...

В пути, в холодном полутемном вагоне, было время подумать. Разложить по полочкам все свои проекты и начинания. Оценить вложения. И в людей, и в предприятия. Так что теперь я мог описывать свои деяния достаточно систематически и связно. Причем совершенно не боялся, что мне не поверят. Не то время, не тот мир. Здесь все еще принято доверять сказанному слову.

Да и кто же рискнет откровенно лгать наследнику престола Российской империи?!

– Теперь же, коли уж Богу было угодно отметить меня благосклонностью государя, я тешу себя надеждой заинтересовать столичных банкиров и сибирским металлом, и железной дорогой...

– И подсунуть царю свои прожекты, – закончил за меня Вово.

– Разве у нас что-то может делаться без его ведома? – парировал я. – Рано или поздно я все равно должен был бы.

– Очень интересно! – приподнял брови цесаревич. – У вас, наверное, и основания к сим прожекам имеются? Зачем-то же вы почитаете необходимыми эти ваши заводы в недрах Сибири.

– Конечно, Николай Александрович. Но это весьма долгий разговор. Я опасаюсь вас застудить...

Никса снова продемонстрировал мне свой обаятельный изгиб губ. Только теперь в глазах наместника поселилась какая-то хитринка.

– К Крещению прибывает принцесса Дагмара. – Ему пришлось кашлянуть, чтобы выправить дрогнувший голос. – Мне станет... трудно выделить вам достаточно времени. Однако же завтра... Приезжайте завтра ко мне. Привозите бумаги. Станем обсуждать. Во время своего путешествия я осматривал множество различных фабрик. И господин Победоносцев так живо...

Победоносцев? Ха! Вот о Консте, как Герочка и другие студенты Императорского училища правоведения звали будущего наставника цесаревича, я и забыл!

– Герман Густавович? – Никса насупился. – В чем дело? Что это вы так... Мне кажется, Константин Петрович ничем не заслужил этих ваших... кривляний.

Готов отстаивать симпатичных ему людей? Интересуется промышленностью? Господи, сделай так, чтобы у моего Отечества появился наконец путёвый повелитель!

– Простите, ваше высочество. Это нервное.

– Ну что там у вас? – процедил не поверивший отговорке Мещерский. – Рассказывайте уже.

– Я отправлял четыре письма. Великой княгине Елене Павловне – и она немедля отправилась в Дармштадт, князю Долгорукову – и он, мне не поверив, выбросил послание в мусор-

ную корзину, графу Строганову – и он писал государю о моем предупреждении. А четвертое – профессору Победоносцеву. И что-то я не слышал, чтобы Константин Петрович предпринял какие-либо действия...

– Конверт мог затеряться в пути, – с беспечным видом отмахнулся Вово. Кого он хотел обмануть? Он явно был рад появлению компрометирующих Победоносцева сведений. Видимо, влияние московского профессора на Никсу молодого «рынду» как-то задевало. – Скажите лучше, откуда обо всем проведаль этот фрондер Мезенцев?

– Я позволил прочесть свои послания томскому жандармскому штаб-офицеру, – честно ответил я, – а тот скорее всего доложил по инстанциям.

– Зачем? – хором удивились оба молодых человека.

– Я подумал, что начальник штаба жандармского корпуса, даже если не поверит в мое предупреждение о заговоре, тем не менее не преминет проверить. А самый простой способ это сделать – устроить вам, Николай Александрович, врачебный консилиум. На всякий случай я даже указал имена наиболее знающих докторов, мнения которых якобы опасаются заговорщики. Я не предполагал, что Николай Владимирович устроит настоящий кавалерийский налет на Дармштадт...

– Да уж, – непонятно чему обрадовался цесаревич. – Генерал Мезенцев достаточно решительный и отважный офицер. Надеюсь, этих качеств окажется достаточно для ограждения нас от различного рода недоброжелателей. Вы, Герман Густавович, знаете, что Мезенцев испросил у папá чуть ли не полмиллиона? Собирается внедрять агентов в радикальные организации и оплачивать осведомителей.

– Дай-то бог, чтобы этого оказалось достаточно.

– Что опять не так? – чуть ли не прорычал Владимир.

– Вово! – одернул князя цесаревич. – Мне холодно. – И тут же гораздо более мягким тоном обратился ко мне: – Приходите ко мне завтра часам к четырем. Будут интересные люди. Я Сашу позову...

Можно подумать, я имею возможность отказаться! На следующий день у меня были намечены две важные встречи. С генерал-майором в отставке Чайковским и с красноярским купцом Сидоровым, прикатившим в столицу следом за нами. В своем доме на Сергиевой Михаил Константинович устраивал «северные» вечера. Угощая гостей морошкой, клюквой и редкой речной рыбой, пропагандировал, таким образом, развитие северной Сибири. Жители столицы угощения принимали, но деньги в тундру вкладывать не спешили. Вот чтобы в приватной беседе попытаться обсудить причины такого пренебрежения, мы и сговорились встретиться.

Илью Петровича же Чайковского – как выяснилось, действительно отца всемирно известного в будущем композитора – я хотел пригласить к себе в Томск на должность управляющего металлургического комбината. Старшие его дети были уже достаточно взрослые, чтобы иметь возможность самим позаботиться о себе. А младшие, близнецы Анатолий и Модест, вполне могли окончить гимназию и в столице моей губернии.

И теперь мне нужно было отменить один из этих визитов. Даже если отправиться к Илье Петровичу на окраину города с самого раннего утра, что вообще-то в праздничные дни несколько неприлично, к Сидорову я уже никак не успевал.

– Vous par quelque chose êtes préoccupés, mon ami?¹ – Тончайшие струйки парфюма вперед голоса предупредили меня о приближении хозяйки Михайловского дворца, великой княгини Елены Павловны. – Nikolay est parti déjà?²

¹ Вы чем-то взволнованы, мой друг? (*фр.*)

² Николай уже уехал? (*фр.*)

Кстати сказать, путешествие по германским княжествам пошло вдове на пользу. Герочка, пользуясь тем, что его никто, кроме меня, не слышит, высказался несколько более цинично и конкретно. Но что позволено ишаку, не дозволяется падишаху. Кому интересно мнение партизана моего мозга? Тем более что княгиня ничем не заслужила такого к себе отношения.

– Да, ваше высочество. Цесаревич со своим другом уехали. Мне кажется, у Николая снова боли в спине.

– Бедный-бедный юноша, – покачала головой пожилая покровительница наук и искусств. – Поверь мне, милый Герман, это совершенно мучительно – наблюдать боль наших детей. Бедная-бедная Маша... Мы ездили с ней в Хайлигенберг, ты знаешь, она провела там детство... Плакали на груди друг у друга...

– Очень жаль ее величество императрицу Марию Александровну. Но ведь теперь все непременно станет хорошо. Никса в руках отличнейших докторов, не так ли?

– Ах-ах, Герман. Материнское сердце не обманешь! Маша молит Господа каждый день о здоровье своего старшего сына... Но...

– Но?

– Господин Пирогов признался, что болезнь наследника не поддается лечению. Они со Здекауэром в силах лишь сдерживать ее течение на какое-то время. Бедную Машу это просто убивает! Мадемуазель Тютчева поделилась секретом платков императрицы...

– Что, мадам? Платки?

– Ах да! Прости-прости. Ты не знаешь... Она кашляет и прикрывает рот платочками. Нюрочка Тютчева однажды увидела на ткани кровь...

Княгиня сделала знак замолчать. Мимо, особо не торопясь, проходили какие-то господа и дамы, не преминувшие остановиться подле хозяйки и похвалить святочный прием.

– Ты ведь так и не был представлен императрице Марии Александровне, – продолжила Елена Павловна, когда навязчивые гости отправились наконец в сад. – А она ведь спрашивала о тебе. Императрица много умнее, чем может показаться. И она ничуть не поверила этому Ольденбургскому. Петр Георгиевич замечательно умеет заботиться о детях и юношах, но его вмешательство в дело было совершенно излишним. И даже поставило его в несколько двусмысленное положение. На самый главный вопрос государя кузен так и не нашелся чем ответить...

– Что же это за вопрос, ваше высочество?

– Ах, Герман, Герман. Ты так вырос, возмужал. Стал настоящим начальником там у себя в диком краю! И все же остался тем же любопытным и неводержанным мальчишкой... Конечно же государя занимает то же самое, что и весь остальной свет, – как же стало известно о болезни цесаревича? И не смей пытаться меня обмануть! Я знаю, не все можно доверить бумаге. Но это не значит, что я должна верить всему этому туману, что ты там напустил. Ну же?

Я ждал этого вопроса каждую минуту, с тех пор как Александр Второй в присутствии трех или четырех сотен столичных чиновников, заливаясь слезами от волнения, вручил мне Владимира и объявил спасителем цесаревича. Ждал и приготовил даже несколько ответов. Так что тогда следовало лишь выбрать нужный.

– Только не нужно все валить на многострадальных духов, – поморщилась княгиня, по-своему истолковав мое замешательство. – Ты же знаешь, я не разделяю новомодное увлечение света этими спиритическими эквилибризмами...

И точно. Столица по-настоящему заболела мистическими учениями. У меня на комодке валялось с полдюжины приглашений поучаствовать в сеансах вызова духов.

– Елена Павловна, – укоризненно взглянул я на княгиню. – Какие уж тут духи... Только...

– Пойдем присядем, – легким наклоном головы поприветствовав очередного гостя, потянула она меня в зеленую гостиную.

Огромная зала была заставлена кадучками с живыми растениями. Некоторые из них достигали трех или даже четырех метров в высоту. Другие, вьющиеся, оплетали специально

сделанные из деревянных прутьев ширмы. Обитые зеленым атласом диванчики и кресла совершенно терялись в этом буйстве жизни.

– Ну-ну, Герман. Не сомневайся. Я смогу сохранить твой секрет, – хищно прищурившись, заявила хозяйка дворца, устроившись на кушетке среди тропической листвы.

– О, ничего секретного, ваше высочество! – Я дождался нужного жеста и сел на банкетку рядом. – Однако я бы не хотел, чтобы эти сведения становились жертвой досужих языков. Во всяком случае – не сейчас.

– Уж не затеял ли ты, *mon ami*, тайное общество? Надеюсь, ты не намеревался каким-либо образом вредить моей семье?

– Что вы, мадам! Отнюдь. Мы желали бы лишь все силы приложить к переменам в Отечестве. Дать землю крестьянам, которую у них украли ретрограды. Пусть в Сибири, но столько, сколько они смогут обработать. Построить заводы и фабрики. Открыть новые торговые маршруты и дороги, в том числе железные. Наполнить страну деньгами. Показать смекалистым купцам, что в развитие страны выгодно вкладывать капиталы. Помочь инженерам выдумать самое современное, самое лучшее оружие...

– Да-да. Конечно, Герман. Это все чудесно. Но зачем же тайно и при чем тут бедный больной Никса?

– Я и не говорил, что тайно. Такие дела трудно скрыть... Просто... Как говорит друг Николая Александровича князь Вово – нынче не модно печься о благе Родины. Сейчас все озабочены набиванием собственной мошны... А цесаревич... С ним мы связываем надежды на то, что нам не придется больше скрывать свои намерения. Что программа развития страны получит когда-нибудь высочайшее одобрение.

– И все-таки, все-таки я не соображу, как же это связано со скрытой болезнью наследника.

– У нас есть люди, умеющие как-то по-особенному слышать общедоступные известия. Что-то из одной газеты, что-то из столичных слухов или из болтовни двух неумных фаворитов. Кто-то кому-то что-то высказал, не подумав. Мозаика постепенно заполняется нужными камешками. И вот уже перед нами отчетливая картина... Так вот. Эти люди смогли мне доказать, что его императорское высочество серьезно болен и что поездка по Европе может стать для него непосильным испытанием. Один... господин, отличнейший, просто превосходный врач, даже поставил Никсе, никогда цесаревича не видя вблизи, диагноз. Нужно было немедленно что-то делать. Пришлось изобрести несуществующий заговор.

– Не слишком-то мне верится в этих чудесных господ, умеющих видеть невидимое, – после минутного раздумья честно призналась Елена Павловна. – Мнится мне, что у тебя есть кто-то при дворе... Кто-то из лейб-медиков, не смевший затеять эдакое-то дело... Хотя и он вряд ли бы смог... Нет-нет. Я положительно теряюсь в догадках... Если только... О да! Это все объясняет! Скажи, Герман... Скажи, цесаревич знает об этом твоём обществе всероссийских попечителей?

– Не могу утверждать со всей определенностью, мадам. Но подозреваю, что да.

– Вот-вот! *Mon ami* Герман, не думал ли ты, что заботу о своем здоровье мог проявить сам Никса? Я всегда говорила, что маленький Николай – хитрый и расчетливый юноша. И ни один человек во всем свете не сможет со всей определенностью сказать, что же у нашего наследника на уме.

– Поразительно! Сударыня! Мне бы такое и в голову не пришло!

Пришло, и даже уже нечто подобное «ушло» в сторону Мезенцева. Но чем больше людей станут думать, как княгиня, тем меньше глупых вопросов мне зададут. Ничего не имею против, если вместо меня от любопытства обывателей будет вынужден отбиваться Николай Александрович Романов. Тем более что ему это сделать не в пример легче. Послал всех куда подальше открытым текстом, да и все. А родителям и братьям с сестрами сказал, что знать ничего не

знаю и ведать не ведаю. Доказательств-то нет! Кроме моих четырех писем и одного жандармского рапорта, где цесаревич упоминается только как потерпевший.

– Будь, пожалуйста, осторожнее, Герман, – сменила гнев на милость княгиня. – Не то тебя втянут, прикрываясь возвышенными словами о долге перед Отчиной, во что-нибудь нехорошее. Дурные люди непременно постараются воспользоваться твоими чистыми помыслами, дабы обделать свои делишки... Впрочем... Пользуйся, милый, благосклонностью государя и государыни. И не смей быть стеснительным и думать, будто бы это неловко! Многие-многие люди с гораздо более низменными целями ею пользуются... И не бойся использовать мое к тебе расположение. Поверь, Герман, впервые за последние три года я почувствовала себя действительно нужной и... живой.

Княгиня остановила проходившего мимо бесшумной тенью лакея с серебряным подносом, полным бокалов с шампанским. Подхватила один, и мне пришлось последовать ее примеру.

– Представляется мне, уж не вам, ваше высочество, жаловаться на скуку, – осторожно начал возражать я, отхлебнув французской кислятины. – Все эти неисчислимые благотворительные общества, консерватория, Вольное экономическое общество...

– Ах Герман, Герман, – отмахнулась женщина. – Это, право, такая суета. Знал бы ты, какой восторг испытываешь, когда деяниями своими можешь действительно изменить жизнь всей страны! Эти несколько месяцев в конце шестидесятого года, когда мы с Эзопом и Машей ежедневно посещали Александра...

Елена Павловна умолкла на полуслове и поспешила пригубить напиток. Можно подумать, история о том, как они с императрицей и великим князем Константином Николаевичем по прозвищу Эзоп уговорили или даже заставили колеблющегося царя подписать-таки манифест об отмене крепостного права, давно не стала общеизвестной.

И как я мог забыть о такой дате тогда, на Сибирском тракте! Девятнадцатое февраля 1861 года! День признания русских крестьян людьми. День, после которого их больше нельзя было продать, как вещь.

Я смотрел тогда в затуманенные воспоминаниями глаза Елены Павловны и думал, что во вдове Михаила, брата императора Николая Первого, увядала великая императрица. С энергией, образованностью и целеустремленностью этой женщины, попади она на трон империи, история могла бы сложиться совершенно иначе. Да и как союзник и проводник в лабиринте столичных интриг она была настоящей находкой и подарком Провидения.

– Но ты, кажется, озабочен чем-то другим? Что же еще стряслось?

Охотно поделился своими затруднениями. Княгиня попросила уточнить, попутно похвалив студента Петербургской консерватории, старшего сына генерала Чайковского, Петра. Оговорившись, правда, что «эти эфебофилические наклонности сужают круг общения этого молодого и, несомненно, талантливого человека». И намекнула заодно – «кстати, тот самый Вово также замечался в компании известных своей склонностью к содомскому греху господ». А выслушав краткую характеристику красноярского купца и его прожекта, немедленно предложила организовать тому доклад в Вольном экономическом обществе.

– Я напишу ему, – загорелась княгиня новой идеей. – Завтра же к полудню пришли посыльного. Думается мне, это будет куда лучше его самоедских кушаний для праздной публики... И, кстати, почему бы и тебе не выступить там же? Зная тебя, не на миг не усомнюсь в том, что у тебя давно готовы все доводы к переменам в сибирской губернии. А я приглашу на твою лекцию покладистых корреспондентов газет. По нынешним временам бойкое перо куда как скорее достигнет до умов, чем хождение по инстанциям!

Я выразил сомнения в своем литературном таланте и тут же получил многословную отповедь. Елена Павловна весьма саркастично относилась к современной литературе.

– И этот, как его там... Кандальник... Вместо того чтобы приговаривать «*que faire?*»³, лучше бы занялся делом. Даже мне понятно, что сотня отменно образованных господ гораздо полезнее стране, чем сомнительные сны какой-то безвестной мещанки. А ведь как начинал! Эта его работа... «Эстетические отношения искусства к действительности», кажется. Да-да! Эта диссертация наделала столько шуму...

В конце концов я позволил убедить себя в том, что у меня хватит ума преподать идею необходимости скорейшего развития Сибири так, чтобы это заинтересовало общество. А там хорошо оплаченные журналисты сгладят шероховатости и преподнесут мои слова так, что не заметить, проигнорировать не посмеют ни в одном министерстве.

– Ныне иные времена, – неожиданно грустно сказала на прощанье великая княгиня. – Я твоими стараниями снова вхожу в кабинеты... Так и там читают газеты. Возвратившийся с лечения Эзоп подговаривает Сашу отменить цензуру. Говорит, это стыдно теперь – не позволять гражданам мыслить вольно. Страшно мне, Герман. Газетчики – страшные люди. Коли их никто цензурировать не станет, так они и в окна подглядывать начнут, и всякие мерзости на потеху публике печатать. Это же гадко...

Эх, княгиня! Если бы ты знала, во что выльется эта свобода печати. Как британская принцесса станет скрываться от навязчивых папарацци и погибнет в итоге в страшной автокатастрофе. С каким извращенным смакованием начнут рыться в грязном белье! Как станут раздувать мало-мальские скандалы и на полном серьезе интересоваться мнением о международной политике у пустоголовых звезд эстрады. Господи, какое счастье, что в это благословенное время клоуны еще не победили рыцарей!

Всю дорогу до набережной Фонтанки я размышлял о способах управления общественным мнением. Ну почему я не специалист по пиару? И где бы такого найти в 1865 году от Рождества Христова?

А дома отец и вовсе придавил. Криво ухмыляясь, сообщил, что шестого, на Крещение Господне, мне предстоит разорваться пополам. Каким-то фантастическим образом успеть попридти на церемонии крещения датской принцессы Марии-Софии-Фредерики-Дагмары в Царском Селе – приглашение от имени его императорского высочества цесаревича Николая уже дожидалось меня на комод, – и в этот же самый день на Фонтанке, в казенном доме у Египетского моста, нас ждала на смотрины невесты семья Якобсонов. Между двумя частями меня должно было оказаться двадцать пять верст, и всем плевать, как у меня получится побывать и там и там. А старого генерала, похоже, это еще и забавляло.

Я ничего не имел против того, чтобы Густав Васильевич немного поразвлекся. Да и не о том голова болела. Следовало подготовиться к завтрашним визитам.

Если бы Герман столь же хорошо разбирался в придворных интригах, как в городских достопримечательностях, цены бы ему не было. Тем не менее гид у меня в голове так торопился выплеснуть знания о столичных окраинах, что ни о чем другом думать просто не получалось. Каждому мосту, статуе на мосту, улице от моста или переулку от улицы соответствовала своя история или легенда.

Понятия не имею, зачем мне это, но благодаря Гере я узнал, что Литейный проспект, на который экипаж свернул с Невского, – один из старейших в граде Петра. И что к востоку от проспекта раньше, лет еще сто назад, кроме бараков рабочих и солдатских казарм, жилых зданий вовсе не было. И называлось это все Артиллерийской слободой. А улочки между временками – номерные Артиллерийские линии и, как ни странно, Артиллерийские улицы. Тоже с номерами.

³ Что делать? (*фр.*)

У особняка Орлова-Денисова свернули направо, к Преображенской площади. Потом, объехав по кругу гигантский Спасо-Преображенский собор, мимо доходного дома Татищевой попали в Спасский переулок, с которого оставалось всего ничего до Кирочной.

Кирочная была названа... в честь кирхи⁴. А если точнее – в честь церкви Святой Анны, или Анненкирхе, старейшей лютеранской церкви Санкт-Петербурга. Ее построил еще соратник Петра Великого, первый обер-комендант новой столицы Роман Брюс. Правда, первоначально она располагалась в Петропавловской крепости и лишь потом, сто лет спустя, была перенесена к Пятой линии Литейной части, где в то время проживало много лютеран, в основном служащих Литейного двора.

Через переулок, в громадном доме номер пять, располагались офицерские казармы столичного жандармского дивизиона. А чуть дальше, во втором доме, – Главное казначейство Министерства финансов. Так что в доходных домах, которые стали спешно отстраивать вдоль Кирочной, проживали большей частью государственные бухгалтеры. И в квартире номер шесть по Кирочной семь – генерал-майор в отставке Илья Петрович Чайковский с детьми.

Который, судя по словам дворника – «тама оне, тама», был дома, но двери гостю открывать не торопился.

– Илья Петрович, откройте, пожалуйста, – крикнул я, устав дергать за веревочку звонка. Волшебство из «Красной Шапочки» не срабатывало. – Я знаю, что вы дома.

Спустя несколько минут из-за преграды донесся тонкий детский голос:

– Папа приболел и не принимает. Он сказал, что непременно оплатит векселя завтра же.

– А ты Модест или Анатолий? – коварно поинтересовался я.

– Анатолий. – Мальчишка печально вздохнул. – Модест в театр с Петром уехал еще утром.

Ого! Я даже начал сомневаться, что приготовленные подарки – два одинаковых ружья «Allen & Wheelock Drop Breech» лондонского мастера-оружейника Гарри Холланда 22-го калибра – понравятся увлекающимся театром четырнадцатилетним пацанам.

– Анатолий! – как можно убедительнее воскликнул я, непроизвольно переходя на французский. – Передай Илье Петровичу, что к нему с визитом явился Герман Густавович Лерхе, томский губернатор.

– Конечно, месье. Минуту.

Почему я сразу не догадался звать хозяев на парижском наречии? Еврейские ростовщики, которым умудрился задолжать генерал-майор, второго языка русского дворянства не ведали.

Вскоре дверь открылась, и мы с моим денщиком Артемкой, тащившим пакеты с подарками, смогли войти в небогатую, но чистенькую квартирку. Чтобы обнаружить, что она гораздо меньше, чем можно было ожидать от дома бывшего директора Санкт-Петербургского технологического института. И много беднее, чем приличествует генералу.

По моим сведениям, старший из детей генерала – Николай, окончивший Горный институт, служил тогда в чине инженер-поручика в Вильно товарищем начальника паровозного депо. Тот самый Петр Ильич должен был вот-вот окончить обучение в Петербургской консерватории; Ипполит, прошлым летом получивший чин гардемарина русского флота, служил где-то на Каспии. Все три дочери генерала были уже замужем. Так что я ожидал увидеть в доме старого Чайковского только самых младших его детей. Однако встретить меня в прихожую вышла какая-то полная и невысокая женщина лет сорока.

– Действительный статский советник томский губернатор Герман Густавович Лерхе, – отрекомендовался я и сбросил пальто на руки Артемке. – Прошу прощения за вторжение, однако дело мое не терпит отлагательств... Эм... С кем имею честь?

⁴ Кирха – лютеранская церковь.

– Елизавета Михайловна Александрова, – приятным голосом представилась женщина. – Друг семьи... Мы слышали о вас, сударь. Кажется, это вы спасли его высочество цесаревича от злодейского заговора?

– Это произошло совершенно естественным образом, мадам. Поверьте, я не достоин всех этих... дифирамбов... Могу я увидеть Илью Петровича? У меня есть к нему предложение...

Едва удержался от известного по знаменитому фильму продолжения фразы. Все-таки некоторые штампы остаются с нами на всю жизнь.

– Предложение? – как-то нервно переспросила «друг семьи». – В последнее время Илье Петровичу предлагают только вернуть долги. Это делает его больным...

– О, не беспокойтесь, мадам! Я в некотором роде хотел бы обсудить с генерал-майором то, как ему справиться с этими неприятностями.

– Благодарю вас, сударь. Сейчас я схожу пригласить Илью... – Ага! Друг семьи? Как же, как же. – Но помните! Вы обещали не расстраивать его этими несносными кредитами. Проходите пока в гостиную...

После великокняжеских дворцов, да даже после отцовского дома на Фонтанке, обстановка показалась... убогой. Опрятной и стремящейся соответствовать статусу, но донельзя простой. Самая обычная для жилища среднего чиновника или начинающего купца мебель. Несколько фарфоровых безделушек. Вышарканный ковер на полу. Давно потерявшие цвет шторы на окнах. Никаких излишеств вроде зеркал в полный рост, картин или золоченой лепнины по потолку и бордюрам. Похоже, престарелый генерал все, что имел, истратил на образование детей. Все запасы, накопленные за годы службы. Да еще и в долги влез, без перспективы избавления от неумолимых кредиторов.

Грех, конечно, но меня такая ситуация более чем устраивала. Бедственное финансовое положение семьи Чайковских увеличивало шанс на то, что мне удастся сманить опытного организатора и металлурга в Томск.

Илья Петрович был похож... на воробья. Среднего роста поджарый блондин с седыми висками, растрепанными волосами и задорно блестящими глазами. Наверняка в молодости не одна юная дева мечтала об этом красавце-мужчине. Да и теперь, в свои семьдесят, он вовсе не казался измученным и больным.

– Не имею чести, сударь, вас знать, – по-наполеоновски заложив руку за полу когда-то богатого шелкового халата и забавно вздернув подбородок, чуть ли не через губу заявил хозяин дома.

– Герман Густавович Лерхе, – улыбнулся я. – Зато я, Илья Петрович, много о вас слышал.

– От кого же, интересно мне знать? – Он что, меня за коммивояжера принял?

– От каинского мещанина господина Куперштоха, – честно признался я, наблюдая за тем, как при одном упоминании еврейской фамилии опускается подбородок бравого генерала. – Вы его столичным родственникам существенно задолжали. Весьма, знаете ли, расстроен этот господин вашими, господин генерал-майор, бедствиями. Чуть ли не на коленях меня умолял помочь...

– Вы же обещали! – шепотом вскричала женщина. Некоторые представительницы слабого пола достигли уже такого мастерства, что способны кричать вполголоса. Елизавета Михайловна – из таких.

– Вы пришли предъявить мне векселя? – скривился Чайковский.

– Что вы, дорогой Илья Петрович, какие еще векселя? – слегка улыбнулся я «другу семьи». – Я, согласно Табели, такой же чин генерал-майора имею, что и вы. Томской губернией начальствую. Да и без этого не бедствую. Вы, видно, обидеть меня хотите? Приношу свои извинения, что явился без приглашения. Однако же должен и даже обязан показать вам кое-что!

Артемка положил пакет с ружьями на комод, торопливо достал из тубы карту и расстелил на столе. Мне оставалось только придавить заворачивающиеся уголки непокорной бумаги фарфоровыми статуэтками.

– Что это? – спросил потрясенный до глубины души моей нахальностью Чайковский.

– Это карта, Илья Петрович, – терпеливо начал объяснять я. – Извольте взглянуть сюда. Вот здесь, и здесь, и дальше на юго-запад, на небольшой глубине залегают железные руды. Вот, видите? Здесь я начертил квадратик... Здесь уже этим летом начнут строить каторжную тюрьму и прокладывать дорогу к шахте. Вот тут будет сама шахта... Тут, вот где речка, видите? Начнем возведение чугунолитейного завода...

– А это? – ткнул пальцем в район Анжерки генерал. – Эти значки что значат?

– Здесь каменный уголь, Илья Петрович. А вот так ляжет дорога. Вот так и так. И сюда, к печам. Тут же и кокс будем делать. И для продажи на Урал, и для своих нужд.

– О! Там так плохо с лесом? Чем вам древесный уголь плох?

– Деревья жалко. Лес растет очень медленно, а для железа его нужно весьма много. И так уже на Алтае все повыжгли. Да и дешевле тот, что из земли.

– А дальше? Из чугуна в железо где намерены переделывать?

– Я думал, где-нибудь ближе к Томску. Ближе к реке. Там же и механический завод, чтобы паровые машины строить. И вальцы для рельсов.

– Это лишнее, – рубанул ладонью генерал. – Топлива вдвое больше потребуется. Лучше все вместе... А рельсы-то вам... Герман Густавович? Правильно? Рельсы вам, Герман Густавович, для каких целей потребны?

– А вот эту полосатую линию видите? Это железная дорога. Сперва из Томска в Красноярск. После уже и до Омска...

– Однако! – выдохнул впечатленный размахом моих замыслов Чайковский и сел, забыв предложить это же мне.

И я стоял у стола, как студент на экзамене у профессора, пока отец всемирно известного в будущем композитора размышлял.

– Это же какие деньжищи! – Женщины всегда прагматичнее мужчин. Генерал о деньгах и не вспомнил, обдумывая организационные и технические проблемы, а вот его «друг семьи» – в первую очередь.

– Около двух миллионов, сударыня, – кивнул я госпоже Александровой. – Не считая чугуны, конечно.

– Да-да, – рассеянно согласился Чайковский. – Не меньше двух...

– И высочайшее дозволение на постройку дороги у вас, господин губернатор, уже, верно, есть? – не унималась женщина.

– Нет, – откровенно признался я. – Но будет. А на строительство железоделательного уже и бумаги выправлены, и капиталы собраны... В основном.

– А какая выработка железа должна быть у вашего, Герман Густавович, завода? – очнулся генерал.

– Тонн пятьдесят, – пожал я плечами. – Наверное. Я не слишком в этом разбираюсь. Железа должно быть достаточно на все заказы. И на рельсы, и на пароходы, и на мелочи всякие. Я, знаете ли, этим летом намерен достроить дорогу в Китай. А там наши изделия вполне охотно берут.

– М-да... Однако!

Чайковский пятерней взлохматил и без того торчащие как попало волосы.

– Этаким американский размах! Я потрясен. Дерзкий, весьма дерзкий проект. В дикой-то Сибири! Но, смею спросить, отчего вы пришли мне это показать?

– Как – отчего? – Я сделал вид, будто удивился. – Так ведь этому всему нужен управляющий! Человек совершеннейше ваших, дорогой Илья Петрович, качеств. Опытный, знающий и обладающий талантом подбирать нужных людей. Куда же мне еще было это нести?

– В Сибирь? – хихикнул генерал. – Я? Больной и усталый человек? Простите великодушно, но...

– Десять тысяч в год серебром, – чувствуя себя дьяволом-искусителем, перебил я хозяина. – И право самому подобрать себе сотрудников. Могу прямо сейчас выписать вексель в Государственный банк. Это на переезд вам и тем людям, кого вы сочтете нужным принять на службу. И непременно обделайте свои дела с евреями. Сколько там? Рублей пятьсот? Семьсот?

– Пятьсот семьдесят, – вскинув брови, выдохнул он.

А Елизавета Михайловна прикрыла рот ладошкой.

– Пятьсот семьдесят, – хмыкнул я и, без спроса усевшись за стол, принялся писать. – Будем считать, что это мой подарок вашей замечательной семье на Рождество.

– Но нам нужно посоветоваться, обсудить... – Семидесятилетний генерал, профессор и инженер еще пытался остановить катящийся на него вал. – А что, если соблазн окажется слишком велик и я растрачу ваши деньги?

– Ах, я не сказал! В этом случае вы откажете своим детям в безбедном будущем. К жалованью прилагается еще и три процента акций томских железных заводов.

– Пишите, сударь, пишите, – заторопилась госпожа Александрова, судя по всему, очень скоро планирующая сменить фамилию на «Чайковская».

Да я и не сомневался. Лежащий на столе в гостинной листок бумаги с круглой цифрой – сам по себе лучший агитатор.

– Анатолий! – позвал я по-французски, пока Илья Петрович что-то активно обсуждал с Елизаветой у окна.

Парнишка, видно подслушивавший у двери, мигом появился.

– Там. – Я махнул рукой на позабытый всеми пакет с подарками на комод. – Разберись, кому что. В Рождество был слишком занят, прости, что только сейчас...

– Что вы, ваше превосходительство! – сгребая тяжелый сверток – одни ружья весили по три фунта, поспешил он меня оправдать. – Мы-то тем более вам подарки не сделали.

– Герман Густавович! – позвал Чайковский. – Я принял решение согласиться.

– Отлично, – протягивая руку, искренне обрадовался я. Теперь у меня есть на кого свалить хоть часть забот. – Еще две или три недели я буду в столице. За это время вам, Илья Петрович, следует заняться подбором людей и готовиться к дальнейшему путешествию. В случае любых затруднений... Илья Петрович! Я не шучу! Любые затруднения – и вы ставите меня в известность! О конкретной дате отправления я вас извещу.

– Хорошо, Герман Густавович. – Ну вот, уже и имя мое запомнил. Хорошее начало! – У меня будет время ознакомиться с новинками в металлургии и снестись с некоторыми своими учениками. А если потребуется приобрести что-либо из приборов или инструментов...

– Шлете ко мне посыльного.

– Шлю к вам посыльного, – улыбнулся Чайковский, и Елизавета Михайловна ласково взяла его ладонь в свою. Управляющий моих заводов в надежных руках.

Я заторопился уйти. Наступал момент, когда дальнейший разговор мог превратиться в переливание из пустого в порожнее. Илье Петровичу было что обсудить с Елизаветой Михайловной, и мне не стоило при этом присутствовать.

Тем более что время приближалось к обеду и в животе потихоньку распевались обиженные скудным завтраком кишки. В Аничков дворец назначено на четыре дня. Это означало – кормить не будут. Следовало поесть где-нибудь в городе. Кухарка старого генерала Лерхе была кем угодно – Густаву Васильевичу лучше известно кем, – но только не искусной стряпухой. По правде сказать, из всего, что она рисковала приготовить, я смог без содрогания впихнуть

в себя только овсяное печенье. Но нельзя же круглосуточно давиться одним и тем же?! Так от переизбытка овса в организме можно и заржать по-конски!

Благо я являлся обладателем уникального, единственного в своем роде, внутричерепного говорящего навигатора по Санкт-Петербургу. Герочка не дал помереть с голоду, подсказав, что неподалеку от училища правоведения, на Рыночной, есть вполне себе приличный подвальчик, в котором кроме спиртного подают еще и замечательные кушанья из курицы. Так прямо расхваливал покрытые золотистой корочкой жирные тушки с гречишным гарниром, что я чуть слюной не захлебнулся.

Заведение нашлось на том самом месте, где и было во времена моего... то есть Герочкиного – ученичества. И хотя курицу они больше не готовили – то ли поставщик сменился, то ли повар, – но и щи, и котлеты оказались отменными. А вместо компота хорошо пошла ледяная водка. Немного. Граммов примерно сто да под хрустящую квашеную капустку и пьяным меня не сделали, и необходимое расслабление сжавшейся от страха душе подарили.

К полосатой будке караула на подъезде к дворцу я прибыл без десяти четыре. Думал, успею. Думал, это на высочайшую аудиенцию, не имея придворного чина, нужно за пару часов являться, а здесь-то поди проще. Ничего подобного! Два не два, но минут сорок меня точно мурыжили. Сначала пришлось ждать офицера Особого сводного его императорского высочества полка. Потом тот, вспомнив, что список приглашенных на нынешний день остался в караульном помещении, ушел. Неспешно так, с ленцой. Будто бы давая мне время одуматься и сбежать. И очень удивился, обнаружив меня на том же месте. Тем более что действительного статского советника Лерхе в списках не значилось.

Отправили вестового к дежурному командиру собственного его императорского высочества казачьего караула. Николай кроме многого прочего был еще и атаманом всего казачьего войска.

Наряженный как с лубочной картинки – весь в серебряных шнурах и с кинжалом на поясе, – казак пришел не один. Привел еще жандармского поручика, тут же полезшего рыться в тубе с картами и в саквояже с бумагами.

– Вы не представите мне своего спутника? – любезно спросил я казака. То ли водка все-таки взяла свое, то ли отвык я от проявления непочтительности в своей Сибири, только спускать это откровенное хамство я не хотел.

– Это зачем, ваше превосходительство?

– Как «зачем», милейший? Чтобы дальнейшая служба этого исполнительного молодого человека проходила весело... у меня в Томске!

Жандарм отдернул руки от моих вещей, как от ядовитой змеи. Но было поздно. Я уже никуда не торопился.

– Прошу прощения, ваше превосходительство, – порозовел поручик. – Служба!

– Так а я о чем, любезный? Думается мне, Николай Владимирович не откажет мне в переводе такого многообещающего офицера...

Казак, тот, что весь в серебре, хмыкнул и встретился глазами с тем, что сидел на облучке моего экипажа. Артемка хмыкнул в ответ и кивнул. Как равный! На нем-то был обычный полковой мундир, без всяких излишеств, и он не выглядел рождественской елкой.

– Чудно у вас тут, брат, – негромко выговорил денщик. – Не по-людски...

Конвойный тяжело вздохнул и отвернулся. А жандарм увидел шашку и револьвер у моего молодого кучера. Глаза поручика вылезли от удивления.

– Это же... Ваше превосходительство! Простите великодушно, ваше превосходительство! Но оружие следует оставить здесь, ваше превосходительство.

– Пишите опись, – легко согласился я. – Стану уезжать – сверим.

Розовощекий жандарм и вовсе покраснел как вареный рак. Я только что прилюдно усомнился в его честности. А следовательно – нанес оскорбление чести.

– Я...

– Что, любезный? – почти ласково поинтересовался я. Герман уже бился в ярости изнутри в череп, требуя выпустить его гнев наружу. В глазах потемнело. Я поймал себя на том, что с вождением посматриваю на рифленую рукоятку «адамса» у Артемки за поясом.

– Вам, ваше превосходительство, вот в эти двери, – спас положение конвойный. – А казачок ваш куда у нас в гостях побудет.

Высокая, в два моих роста, створка уже была услужливо распахнута. Гера был, что нужно еще задержаться, чтобы непременно сунуть в морду кулаком этому обнаглевшему жандармскому поручику. Но я все-таки опаздывал к назначенному времени. Поэтому вошел.

Огромная, словно уходящая в небо, лестница с узкой красной ковровой дорожкой посередине. Какой-то человек в расшитой ливрее забрал у меня пальто с шапкой. Другой, точно такой же, – саквояж и тубу с картами. Третий близнец предложил проводить. Я даже ответить не успел – он уже чуть слышно шелестел впереди подбитыми войлоком тапочками. Мои шаги – блестящие английские туфли с твердыми каблуками – просто громом гремели в наполненных эхом залах. Все двери были открыты, и треск каблуков по причудливому, матовому от натирания воском паркету прыгал в очередное помещение вперед меня.

Лепнина. Золочение. Барельефы и картины. Статуи. Много, как в музее. Целые кусты цветущих роз в огромных кадках. Разлапистые тропические пальмы. Ковры и изящная мебель. Множество фарфоровых, бронзовых, серебряных, малахитовых, золоченых безделушек. Фотографии в рамках из ценных пород дерева. Тяжелые портьеры с кистями. Огромные, полные блеска, комнаты. Великолепные залы, в которых невозможно жить из-за постоянного сквозняка. И наконец, как стакан многогранная, двухэтажная, целиком обшитая деревянными панелями уютная библиотека.

Первым бросился в глаза стоящий точно в центре восьмигранника круглый стол, заставленный разнокалиберными бутылками и бокалами. Большая корзина с фруктами смотрелась в этом натюрморте явно лишней, как античная статуя в притоне. И тут я был вынужден согласиться с саркастичным Германом – зря тащил с собой бумаги. Никому-то они тут будут не интересны.

Потом только отыскал глазами цесаревича. Он, обложенный подушками, полулежал на небольшом диванчике. Рядом, в пределах досягаемости, на столике, который сто лет спустя назвали бы журнальным, среди наполовину полных фужеров с кроваво-красным вином, вазочки с конфетами, разряженного револьвера, нескольких игральные карт и фотографий, валялись официального вида бумаги.

К столику был прислонен видимый мне вполоборота парадный портрет красивой девушки с короной на голове.

Сам Никса, обычно подтянутый и по-английски элегантный, теперь был в неряшливо расстегнутом мундире, на снежно-белой рубашке краснели винные пятна. В половине пятого дня он был пьян. За спиной Никсы, наполовину скрытый спинкой дивана, притаился огромный Александр, второй сын императора.

– Ваши императорские высочества, – поклонился я чуть глубже обычного. Из всех сил стараясь не показать своего разочарования, поспешно отвернулся, стрельнув глазами по остальным обитателям библиотеки. – Господа, здравствуйте.

– А, Герман Густавович! – Глаза Николая блеснули, но речь еще не стала заторможенной. Похоже, пить они только начинали. – Садитесь где понравится. У нас ныне без чинов.

– Вот, господа! – Привалившегося спиной к подлокотнику дивана и сидящего прямо на полу ногами к камину князя Мещерского от входа было плохо видно. – Извольте видеть этого странного господина. В нем совершенно нет верноподданнического подобострастия! Он разговаривает с нашим Никсой, как... как...

– Как ты, Вово, – хихикнул цесаревич. – В точности как ты! Оттого и злишься по-детски, что считаешь себя единственным моим другом.

– Николя, – капризно обратилась к Николаю некрасивая, с лошадиным лицом и глазами навываде девушка лет двадцати, – ты не представишь нам своего гостя?

– О, милая Мари! – на идеальном, не придратываясь, парижском согласился тот. – Это господин Лерхе, Герман Густавович. Губернатор из Сибири. Вы, должно быть, уже слышали о нем... Вы берите там, – Николай махнул рукой на круглый стол, – бокал. Налейте себе. Станете чокаяться со всеми, а я стану вас пугать их титулованием. Начнем, пожалуй, по кругу...

Оставалось подчиниться. Последствия отказа не поддавались прогнозам.

– Князя Мещерского вы уже знаете, но однако же выпейте вместе и помиритесь, – чуть ли не приказал наследник. – А эта чаровница – княжна Мария Мещерская. – Комплимент шел этой чучундре как корове седло, но, похоже, никого, кроме меня, это не смутило. – Вово, Мари все-таки родственница тебе или нет?

– Это зависит от Саши, государь, – притворяясь более пьяным, чем был на самом деле, выдал князь. – Коли он добьется своего, так родственница. А ежели нет, то и нет.

Младший брат Никсы покраснел, чуть ли не жалобно взглянул на Мари, но промолчал.

– Отчего же нет? – продолжал веселиться Никса.

– Чтобы не лишать себя возможности приударить за признанной красавицей, конечно. – Князь отсалютовал бокалом с вином явно наслаждавшейся комплиментами княжне.

Похоже, я один считаю, что обсуждение кого-то в его присутствии – признак неуважения?

– Вот тот господин, ковыряющий ногу малахитовой вазы... – Узколищый, с огромным выпуклым лбом, усаженный молодой человек действительно был занят изучением каких-то вкрапленных в отполированный камень. – Это Коля... Николай Максимилианович, четвертый герцог Лейхтенбергский.

– Наш Коля по-русски ни бельмеса, – прокомментировал Вово. – Немец, одно слово!

– Willkommen⁵, – поздоровался я, протягивая бокал.

– Wieder trinken?⁶ – простонал он, но на приветствие ответил.

– А эта очаровательная скромница – Сашенька Жуковская.

Ничего скромного я разглядеть не смог. Сашенька – кстати, потрясающей миловидности девушка – развалилась на другом диванчике, забросив ноги на подлокотник. Бокал в ее руках был пуст.

– Налейте мне, Герман, – велела она. – Мы с Воронцовым пили на брудершафт, и все кончилось.

– Воронцов – это вот этот бравый гвардейский кавалерист и ротмистр, – тут же пояснил цесаревич. – И ему вина больше не давать. Он становится скучным и принимается грустить. Выпейте теперь с Володей. Это князь Барятинский, мой адъютант. Ему пьяным быть хорошо. Я его куда не отправляю пьяным. Он пьяный – такой простой...

Барятинский мне понравился. Глаза умные. На мундире – орден Святого Владимира четвертой степени с мечами и бантом. Такие придворным подлизам не дают.

– А там мой Саша, – махнул себе за спину хозяин дворца. – Любимый брат. Говорите с ним по-русски. Он страшно смущается, когда приходится говорить как-то иначе.

Я обошел диван, перешагнув ноги Вово, и поприветствовал большого и грузного второго царского сына.

– Это ведь вы спасли моего брата? – порозовев, обратился ко мне великий князь. – Спасибо!

⁵ Добро пожаловать (нем.).

⁶ Снова пить? (нем.)

– Я не мог поступить иначе, ваше высочество, – вежливо ответил я. – У России должна оставаться надежда.

– Утром я получил от Мезенцева рапорт на нашего Германа Густавовича. – Николай даже не потрудился обернуться в мою сторону. А быть может, ему было просто больно это делать. Пришлось мне снова перешагивать ноги Мещерского и устраиваться на стуле за круглым столом. – И знаете, друзья, что пишет наш фрондер? Он утверждает, что в этом диком Томске господина Лерхе словно бы даже подменили!

У меня все сжалось внутри. А предатель Герочка радостно завопил: «Я здесь! Вытащите из меня этого олуха!» Аж в ушах зазвенело!

– Потому как пока наш спаситель к новому месту службы не отправился, был он ничем не примечательным чиновником средней руки. Училище правоведения кончил, в канцелярии княгини Елены Павловны служил и в Морском министерстве. А после и у господина Татаринова. Ни особенной отвагой, ни стремлением к воинской службе не отличался...

Володя Барятинский выдохнул, громко, словно бы саблей сплеча рубанул, и подкрутил лихо загнутый ус. Бравому кавалеристу пренебрежение армией было непонятно.

– Ты, князь, дальше слушай, – попенял невольню перебившему цесаревича адъютанту Мещерский. Не удивлюсь, если узнаю, что Вово уже по недовольному сопению мог определить настроение своего венценосного покровителя.

Усилием воли я заставил себя широко и открыто расставить колени, придвинуть к себе корзину с фруктами и взять виноградную гроздь. И даже не пытался высчитать, к каким выводам может прийти накачивающийся алкоголем наследник престола.

Не думай о лохматых мартышках! Или как там у Ходжи Насреддина было?

– А вот в дороге по пустынному тракту случилось нашему Герману Густавовичу повстречаться с лихими разбойниками. Сколько их было, господин Лерхе? Трое? Четверо?

– Я плохо помню, ваше императорское высочество. – Труднее всего – молча слушать и заставлять челюсти перемалывать полные сока экзотичные для середины зимы ягоды. А вот настала пора говорить – и как-то сразу отпустило. Подумалось, что было бы у жандармов что-то на меня, что-то реальное, а не перечень странных, с их точки зрения, фактов, так эти вопросы мне совершенно в другом месте бы задавали. Не здесь. Не в личной библиотеке Николая. – Кажется, трое.

– Ах как романтично! – пискнула Маша Мещерская. – Отчего даже у Германа в его тьмутаракани есть эти замечательные разбойники, а у нас в столице – только ску-у-ука? Саша, почему вы не найдете мне разбойников?

Александр снова порозовел, наморщил лоб, но не придумал, как ответить. За него это сделал Николай:

– Теперь там тоже их нет, Мари. Губернатор их убил. Перестрелял из револьвера.

– Однако! – потрясенно воскликнул Воронцов.

– Генерал Дюгамель, кажется, за это дело наградил вас знаком к ордену Святой Анны четвертой степени? И оставьте уже эти «высочества». Мы здесь по-простому.

– Да, Николай Александрович, – признался я. – За это. Хотя я не вижу в этом ничего героического. Я спасал жизнь. Себе и своим спутникам.

– Как мило – быть таким скромным, – саркастично протянула Жуковская. – Чего не сделаешь с перепугу...

– Что за револьвер у вас был, Герман? – заинтересовался, не обратив внимания на Сашеньку, Барятинский. – Обожаю хорошее оружие!

– «Бомон-Адамс», ваша светлость.

– Ай, да бросьте вы это, – поморщился поручик. – Какая я вам светлость. Давайте уж, как все тут, зовите Володей.

Я кивнул и поднял бокал с вином в салюте.

– А револьвер – замечательный. Прекрасная механика. Жаль, вы не захватили его в Петербург.

– Отчего же не захватил? – удивился я. – Я с тех пор всюду таскаю его с собой. Он и сейчас... У ваших конвойных казаков, Николай Александрович.

– Вы что же, и к цесаревичу с оружием? – вскинулся Вово.

– На меня было два покушения, князь, – хмыкнул я. – И оба раза пистоль спас мне жизнь. Почему бы не оказать господину Адамсу честь и не взять его творение с собой?

Никса засмеялся, и остальные охотно подхватили с разной степенью энтузиазма. Но уж прорезающийся бас великого князя Александра Александровича различался очень хорошо.

– Уж не это ли небольшое приключение, Герман Густавович, так на вас подействовало, что, явившись в Томск, вы принялись реформировать все вокруг? – продолжил допрос цесаревич, расплескав остатки вина из своего бокала. – Тут перечень ваших дел всего за несколько месяцев – на трех листах. Перемены решительно во всем. А в рапорте еще указывается, что вы и изобретатель. Откуда в вас это взялось?

Именно для таких моментов нужно обязательно научиться курить. Просто чтобы иметь возможность выиграть время на раздумья. Но подсознание часто оказывается мудрее разума. Не зря, ох не зря я взял эту спасительную виноградную гроздь.

– Сибирь – это огромная страна, Николай Александрович. Что только не приходит в голову, пока едешь.

– Ну что вы, право, Николая! – неожиданно пришла мне на помощь Жуковская. – Решительно ничего удивительного не вижу в том, что чиновник занимается своим делом. По мне, так это все так скучно...

– А и верно, – поддержал красавицу Барятинский. – Что это вы, государь? Мне так тоже «клякву»⁷ повесили, а я и не убил, кажется, никого.

– А много ли ты, Володя, крепостей построил? Торговых трактов проложил и новых ярманок основал? Деревень сколько и сел? С туземными кочевниками воевал? Земли за государством Российским закреплял? – сверкнул глазами Никса и повысил голос. – А вот наш спаситель всего за полгода все это успел. И крепость на границе с циньской державой построил, и с туземцами сражался, и казаков там расселял. Теперь еще тракт туда строит, посольства посылает и торговлю с Китаем начинает. На него доносы в жандармерии уже мешками считают! А он теперь знаете чего хочет? Он теперь в своей глуши железо делать хочет и рельсы тянуть. И железную дорогу! Иной за всю жизнь столько дел не сотворит, а этот... спаситель – за полгода! А через два? Через пять лет? Он что, царем сибирским себя объявит?

Мещерский быстрым хорьком метнулся к журнальному столику и, торопясь и проливая, набулькал наследнику вина в пустой бокал. Никса, только почувствовав изменение веса, потянул напиток к губам. По подбородку стекла тонюсенькая струйка похожей на кровь жидкости и добавила к пятнам на рубашке еще несколько.

– Скажите, Герман, – обратился Николай ко мне, уняв волнение, – вы хотите править?

– Нет, ваше императорское высочество.

– Что же вы хотите? К чему все это? Суэта эта с заговорами и моей болезнью к чему? Скажите. Мы с Сашей все для вас сделать готовы. Министром хотите? Саша в ноги папá упадет – и быть вам министром... Упадешь, Саша?

– Упаду, – прогудел младший брат и побледнел. Он был взволнован не меньше Никсы.

– И мама упадет. И я тоже. Государь – добрейшей души человек. Он согласится. Хотите?

– Нет, ваше высочество. Не хочу. Отпустите меня в Томск. Мне там надо быть. Мне там хорошо. – Три подряд выпитых бокала вина, что ли, в голову наконец ударили или каким-то

⁷ «Клякву» – на военном жаргоне знак к ордену Святой Анны четвертой степени для ношения на холодном оружии.

образом цесаревичу удалось меня хорошенечко напугать, только говорить получалось вот так. Отрывисто. Мешая немецкие, русские и французские слова. И жалобно как-то.

– Да ложь это все! – крикнул, приподымаясь на локте, Мещерский. – Капризничает, мнется, как институтка! Дай ему чин, государь. Они все этого хотят. Немчура! Чинов да орде-нов!

– Подам в отставку, – пожал я плечами. Я, конечно, хотел воспользоваться положением спасителя наследника, что уж там скрывать. Но в тот момент сама мысль о том, чтобы получить высокий чин и переехать в столицу, меня пугала до жути. А особенно – получить из рук цесаревича. Показалось это неправильным. Бесчестным.

– И что станете делать? – с заметным акцентом, но тем не менее на хорошем русском поинтересовался Коля, герцог Лейхтенбергский.

– А не думали послужить? – Глаза Барятинского блестели. Он мне верил. Приятно это осознавать. – Я слышал, ваш брат Мориц отменно отличился в Туркестане.

– Он тяжело ранен, Володя, – мягко ответил я. – Теперь в госпитале, в Верном.

– О, простите. Я не знал.

– В отставку? А как же ваши прожекты? – снова усомнился Мещерский.

– А что прожекты? Строить можно и без чина. В Томск вернусь. Скоро у меня там банк будет. Завод начну строить. В Китай съезжу, давно хотел... Женюсь.

– Что же, по доброй воле в Сибирь? – печально глядя на меня своими большими, некрасивыми, рыбьими глазами, спросила Маша. – Как же можно? Здесь же все. Весь свет. Весь... блеск.

– Здесь... душно, милая Мари, – выговорил я. Не смог сказать, что блестит не только золото. И что свет должен быть в душе, а не в салонах даже одного из самых красивых городов мира. И что не будет для меня света, пока я долги не верну. Или нет, не так. Пока не верну Долг!

Глава 2

Матримониальная суета

Пятого января 1865 года в специальный царский, ярко освещенный газовыми фонарями, как и все – крытый, похожий на огромный авиационный ангар, тупик на Варшавском вокзале вошел поезд из четырех вагонов. На землю Российской империи ступила официальная невеста цесаревича Николая Александровича, принцесса Дагмара.

Весь вокзал, от моста до перрона, был украшен растрепанными венками, гудящими на свежем ветру флагами и фонариками, складывающимися в вензеля государя, государыни и цесаревича. Прямо на камнях разложены богатые ковры. А вдоль них, вдоль всех дорог и дорожек, на каждом пустыре и, казалось, вообще на каждом свободном пятчке земли стояли наряженные в пух и прах вельможи. Блестящее шитьем и позументом гвардейское оцепление совершенно терялось в этом сорокином раю.

А за полверсты до единственного в столице вокзала, не имеющего прилегающей площади, начиналась вызывающая усмешку узнавания – привет из двадцать первого века – гигантская пробка. Тысячи разномастных экипажей. Сани, кареты, фаэтоны, дормезы и даже ландо, «припаркованные» где попало, полностью перекрывали движение. Поначалу, пока влиятельные господа со своими спутницами еще только начали съезжаться к украшенному огромным витражным окном вокзалу, городские как-то пытались регулировать этот поток. Потом же, когда до прихода поезда оставалось все меньше времени, а статус прибывающих вельмож рос, возницы и вовсе перестали обращать внимание на багровых от постоянных криков полицейских.

Я пришел пешком. Оставил Артемку с экипажем возле казарм Измайловского полка и спокойно, лишь изредка отворачивая лицо от пронизывающего, дующего со стороны моря ветра, прогулялся до Обводного канала. И, кстати, хоть и не задумывался об этом, – поступил весьма мудро. Во всяком случае, избежал ссор и обид за «парковочное» место. Сколько раз слышал потом, спустя много лет, как кто-то из власть имущих гнобит какого-то несчастного за то, что тот не уступил тогда, на Варшавском, карето-место.

Ну их всех в пим дырявый. Мне доброжелателей и без этих никчемных препирательств хватает. Один неудачно спасенный великий князь чего стоит! Никогда не забуду, как я, не в силах больше выдерживать давление, неуклюже отклонялся и, будто ядро из пушки, вылетел из Аничкова дворца. Как стоял там, у изящных привратных башенок, поджидая Артемку с каретой, молча ругая себя последними словами. И как сначала увидел закаменевшие лица конвойных солдат, а потом и торопливо шагающего ко мне гиганта – великого князя Александра. И – о ужас! В его руках были позабытые в спешке мои саквояж и труба с картами. Я готов был на месте провалиться. Уж на Сашу-то я обиды не держал.

– Пойдите! – рявкнул второй сын царя так, что стекла в рамах звякнули. – Герман Густавович, пойдите!

Из-за парадного фасада дворца медленно выкатывался мой экипаж. На облучке, начав на хозяев, о чем-то оживленно беседовали Артемка с тем самым конвойным казаком.

– Простите, ваше императорское высочество, – поклонился я, дождавшись, пока брат Никсы дойдет – почти добежит, до меня. – Нехорошо вышло. Не попрощался как подобает. Что обо мне подумает цесаревич!

Лепет, конечно. Причем детский. Но ничего умнее в голову не приходило. Я был ошарашен, раздавлен, предан «милостью» наследника. Тогда, в тот самый момент, я жалел, что полез выправлять Историю. Этот, младший, пусть и не настолько умен и образован, как его брат, но, как оказалось, куда честнее. Искреннее. А судя по тому, что не поленился принести мне вещи, так еще и с совестью. Редкие для высшей аристократии качества...

– Это вы простите, Герман. – Александр был по меньшей мере на полторы головы выше меня, так что его легкий поклон мог быть и выражением уважения, и показателем внимания к собеседнику. – Никса был сейчас совершенно несносен. Затеял этот суд... Понимаете, ему страшно. Врачи сказали, если бы не ваши письма... Он не верит ни докторам, ни вам. Столько перемен...

– Да-да, я понимаю, – пролепетал я, чтобы не молчать. Это было бы невежливо.

– Вы... – Здоровенный принц по прозвищу Бульдожка порозовел от смущения и прошептал: – Вы замечательный. Вы заняты делом, а не... Я стану помогать вам как сумею. Не держите только обиду на Никсу. Мне кажется, он тоже вам завидует...

Царевич легко закинул увесистый портфель в карету, а тубу отдал Артемке.

– Прощайте, Герман Густавович. – Он повернулся уходить.

– Ваше высочество, постойте, прошу вас! – Теперь мне пришлось кричать ему в спину. – Это Николаю Александровичу. Не более столовой ложки за завтраком. Один раз в день! Это важно!

Желто-коричневая жижа в квадратной водочной четверти не выглядела чудодейственным эликсиром. Но не зря же я вез настойку золотого корня через половину страны.

– Что это?

– Травы на хлебном вине, ваше высочество. Редкие травы. Они придадут цесаревичу сил и помогут побороть болезнь.

Господи! Ну зачем я это сделал?! Только что же был полон разочарования в своем избраннике. Еще три минуты назад ругал себя – и тут же снова бросился помогать. И ведь Герочка в голове тоже молчал, как партизан в гестапо. Не остановил, не подсказал...

– Это... Это надежно?

– Абсолютно, если не перебарщивать. Пить только утром и лишь понемногу... А вы вот о чем... – Это просто паранойя какая-то. Неужели я вот так, на глазах у всех, дал бы наследнику империи яд? – Хотите, я сам это выпью?

– Хорошо, – кивнул или поклонился Александр – у гиганта не поймешь. И улыбнулся. – Я дам ему утром. После сегодняшнего заседания хлебное вино будет ему на пользу.

– Прощайте, ваше высочество. – Я поклонился. Привыкал гнуть спину перед высокородными недорослями. И запрыгнул в экипаж. Мучительная аудиенция в Аничковом дворце окончилась.

А наутро я, как и прочие десятки тысяч государственных чиновников в Санкт-Петербурге, получил пропуск-приглашение на встречу датской принцессы.

Отказаться, не пойти – выказать пренебрежение высочайшей милостью. Пойти – прослыть, хоть и в узком кругу приятелей цесаревича, лизоблюдом. В итоге выбрал компромисс. Решился идти, но в первые ряды не лезть, на глаза царской семье не попадаться. Станут проверять – увидят мой погашенный пропуск. Был, значит. А никто не видел – так я скромный.

Тем более что ничем другим заняться все равно не получилось бы. Похоже, весь город, вся полумиллионная столица великой империи, собирался пойти поглазеть на маленькую и хрупкую датскую принцесску. Своих-то санкт-петербургские обыватели и так чуть ли не каждый день лицезреть могут. Царь почти ежедневно в Летнем саду гуляет. Да и царские дети практически без охраны по городу ездят. А вот Дагмара, чай, не по три раза в год приезжает. Историческое событие, едрешкин корень!

А прогуляться, кроме всего прочего, оказалось действительно полезно. Ночью спал плохо, как-то рывками. Орды бессвязных мыслей водили хороводы, прыгали через пышущего раздражением Германа и в четкую ясную картину собираться не желали. Я испытывал острый приступ жалости к самому себе, когда казалось, будто бы все пропало, все труды насмарку и оскорбленный моей выходкой наследник теперь станет гадить мне где только возможно, настраивать против меня финансистов и власть предержащих. Мало кто в империи решится

иметь дело с человеком, меченным неудовольствием царской семьи. А уехать за границу – какой же я тогда поводырь?!

И уже через минуту засыпал, убедив себя, что ничего страшного не случилось. Что даже если действительно придется уйти в отставку, смогу заниматься реализацией своих планов и без административного ресурса. Деньги тянутся к деньгам. Люди с деньгами охотно сотрудничают с другими богачами. Стоит один раз вступить в некое неформальное общество состоятельных, дать другим получить прибыль с совместных проектов, и ты становишься обладателем части их власти, их влияния.

Только к утренним сумеркам удалось уснуть по-настоящему. Без снов, но и без давящих мыслей о всякой ерунде. И спал как младенец, пока слуги не забеспокоились и не отправили Артемку осведомиться, как я себя чувствую.

Неспешная ходьба по хрустящим ломающимся ледком – ночью подморозило – деревянным тротуарам, как ни странно, привела мозги в относительно работоспособное состояние. И перво-наперво я попытался сделать ревизию того, чем обладал.

Итак, Николай мне не верил. Я признал это и приказал себе с этим смириться. Не пытаться оправдываться, не добиваться его расположения – смириться и жить как жил.

Конечно же мне это не нравилось. Я не понимал, сколько бы ни размышлял по этому поводу, чем заслужил такое к себе отношение. Пытался что-то менять в жизни губернии, лазал по горным кручам и воевал с туземцами – ну так и что? Высунулся с этими дурацкими письмами? Так ведь как лучше хотел. Из сведений о цесаревиче, собранных моим пресс-секретарем Василиной, я знал, что Никса умен и отлично образован. Искренне любит братьев и сестру. Проявляет интерес к индустриализации и к развитию наук. Стремится узнать жизнь в стране за пределами Обводного канала. Как было не попытаться спасти жизнь такому человеку? Даже если не учитывать его право на престол империи.

Разумеется, я рассчитывал на его поддержку. Ну или, по крайней мере, на благодарность. Поверьте, с благодарностью второго в государстве лица гораздо проще жить и работать, чем без нее. Так что, не получив заслуженное, я чувствовал себя разочарованным. Каюсь, даже задумывался о том, что не стоило лезть в этот гадючник. Помер бы Никса в Ницце – погоревал бы вместе со всей страной, да и продолжил бы ковыряться в своей Сибири. Небо, чай, на землю не упало бы! А так ходи теперь по столице как оплеванный...

Благо жизнь на этом не кончалась. Не верит – так Бог ему судья. Зато верит Александр. Он не показался мне слишком умным, о чем и Василина предупреждала, но, надеюсь, его влияния на венценосного отца будет достаточно, чтобы оградить меня от чрезмерной лютости Николая.

Правда, у меня есть еще пара неплохих щитов от цесаревичевых стрел. Принц Ольденбургский и великая княгиня Елена Павловна. Первый хоть и не слишком честен, но будет вынужден меня выручать хотя бы уже потому, что семья Лерхе числится в «его» людях. А вторая, безмерно мной уважаемая, кинется на помощь уже из чувства справедливости. Ну и еще: я своими проделками, похоже, здорово развлекаю заскучавшую вне придворных интриг княгиню.

Кстати, только тогда, придерживая причудливую парадную шляпу с перьями от покушений расшалившегося ветра, я осознал всю стратегическую хитрость, все коварство предложенной Еленой Павловной лекции в Вольном экономическом обществе. Я имею в виду планирующееся широчайшее освещение моего доклада в газетах.

Это может стать моим третьим, и не слабее первых двух по надежности, щитом! Сейчас я кто? Да практически никто. Винтик в гигантской государственной машине. И даже после прилюдного объявления меня государем спасителем священной особы наследника престола я всего-навсего из винтиков перешел в разряд забавных зверюшек. В объект любопытства. В

средство развлечения умирающей от скуки столичной публики. Широко известный в узких кругах временный шут четвертого ранга по Табели.

Если же у нас с княгиней получится привлечь внимание публики думающей, озабоченной путями развития страны, я могу в один момент стать персоной широко известной. Обсуждаемой. Тезисы доклада, если удастся его правильно подать, имеют большой шанс расползтись по страницам многих и многих газет. И как только это произойдет, я стану неприкасаемым.

Вроде лидеров оппозиции, противостоящей действующему президенту, в мое время. Попробуй тронь – немедленно вонь на весь мир поднимется! Как же! Репрессии! Притеснение инакомыслящих! Диктатура!!! А в отношении меня – вообще явный заговор! Оговорили радетеля России-матушки! Красота!

Другое дело, что я к публичной известности и не стремился. Из темного угла гораздо удобнее всякие не слишком законные делишки обдeldывать. Что тогда, в другой жизни, что теперь. А кое-что для меня, освещенного со всех сторон любопытством всей страны, окажется и вовсе запретным. Стоит, например, положить лишний рубль в карман, как сидящие в засаде господа завоют, заорут во всю глотку: «Ага! Какой он радетель?! Вор и корыстолюбец! Вот оно все для чего затевалось!»

Даже если отбросить в сторону тонкие моменты вроде моей личной безопасности, плюсов все равно выходит больше. Если я правильно вычислил объект негодования великой княгини, профессор Чернышевский уже успел подсмотреть сон какой-то чужой женщины. И свой знаменитый вопрос – девиз ленивцев и профессиональных бездельников – уже задал. И наверняка юноши пылкие со взором горящим уже шепчутся по студенческим общежитиям, сбиваются в стаи, выдумывают себе звучные названия и заодно оправдания для применения оружия бес- сильных – террора. Так что я с правильно распиаренным докладом придусь как нельзя кстати.

Что делать? Работать, блин! Нет таких преград, которые нельзя преодолеть, если действительно этого захотеть. Чиновники воруют? Так идите смените их. Административный аппарат империи испытывает постоянный дефицит образованных сотрудников. Ну, может быть, кроме столичных губерний. Так а в провинции что, не воруют?

Законы несправедливы? Предложите лучше! Народ беден? Голодает? Вы пытались разобратсья – почему? Земли мало? Урожаи низкие? А новые сорта выводить кто должен? Другие культуры внедрять? Или лень? Самого главного обвинять гораздо проще, не так ли? Проще бухтеть по кухням, что всюду грязь, чем пойти и убрать.

У меня в Томске... в том, другом, который на сто пятьдесят лет вперед, был один, скажем так, бизнесмен, не стану имя с фамилией называть. Банк у него свой имелся, и малая часть нефти в нефтяной трубе ему же принадлежала. Дом – полная чаша. Дети в лучших университетах мира. Казалось бы, живи и радуйся. А он вдруг строительством занялся. Причем как-то неправильно. Подозрительно. Строил целыми микрорайонами. Сразу магазины, детские сады и школы рядом размещал. Цветы везде, детские площадки, спортивный центр и удобные обширные парковки. Красота! Только квартиры в его домах почему-то всегда дешевле, чем у остальных застройщиков, были. Естественно, жилье в его домах как горячие пирожки расхв- тывали. А этот мерзавец честно показывал в отчетности убытки. Глумился над налоговыми инспекторами, гад. Те в суд подавали, аудиторские проверки устраивали – ему все нипочем. Говорит – мои деньги, что хочу, то и делаю! Хочу дома дешевле себестоимости продавать и буду. И нет закона, это запрещающего! Точка!

А еще одним его увлечением была охота. Так и познакомились. Можно сказать, что и подружились. Хотя у таких, как мы с ним, людей друзей быть не могло по определению. Ну как-то сошлись...

Вот я его однажды и спросил. Что это, мол, ты шум на пустом месте поднимаешь? Зачем тебе все это? А он... Мы уже по паре-тройке рюмок пропустили к тому времени, на философию потянуло. Он и отвечает. Знаешь, говорит, понял вдруг, что устал от этого бардака вокруг.

Гляну, мол, и сердце сжимается. В чудесном же месте живем. Природа какая вокруг, люди хорошие! А нас за бугром грязными безрукими ленивыми пьянчужками считают. Вот и решил, говорит, хоть немного, хоть маленький кусочек Родины в нормальный вид привести. В то, как это должно было бы быть. А вдруг! Вдруг кто-то еще присоединится. Свой кусочек приберет. Со временем и вся страна такая станет...

Я его тогда не понял. Посмеялся даже. Подумал, что он какой-то хитрый способ зарабатывания денег придумал, а от меня высокопарными словами попросту отговаривается. Вот его бы с тем Чернышевским познакомить. Интересно было бы послушать их спор...

Сейчас-то я его, моего друга из будущего, очень хорошо понимаю. Сам нечто подобное затеваю, только в других масштабах. И если он делал свое благое дело втихаря, молчком, то я стану об этом орать на всех перекрестках. Чтобы слова мои дубиной по голове лупили. Чтобы стоило одному шепнуть, мол, царь во всем виноват, как ему пятеро отвечали бы в полный голос: «Иди работай!»

К Варшавскому мосту через Обводной канал я подошел, уже все для себя решив. И от этого успокоившись. Или скорее – смирившись. Обида больше не застилала глаза, и я мог любоваться отменно украшенными улицами, блестящими гвардейцами и миловидными дамочками в ретроплатях.

За спинами было не разглядеть, но у выхода из вокзала наверняка что-то случилось. Люди заволновались, толпа качнулась, как амеба, приготовившаяся к нападению, brave солдатики втянули животы. Вдоль оцепления, проверяя, все ли в порядке, побежали унтера. И уже очень скоро, пару минут спустя, в оставленном для проезда коридоре появились головные всадники какого-то лейб-кавалерийского полка. Перестань Герочка обижаться – вылез бы из своего укрытия и тут же определил по мундирам, к какому именно полку принадлежали всадники. Хотя, честно говоря, мне все равно.

Какой-то красномордый дядька так гаркнул «ура!» над ухом, что я аж немного оглох...

Наконец показалась запряженная шестеркой лошадей открытая шикарная карета. Экипаж, несмотря на позолоту и многочисленные непонятного назначения финтифлюшки, выглядел так стильно и так эффектно демонстрировал власть, мощь и богатство хозяина, что у наших... у правителей из двадцать первого века челюсть бы от зависти свело. Конечно, в нем ехали Александр Второй с супругой. К вящему моему удивлению, третьей в салоне оказалась великая княгиня Елена Павловна. Она сидела напротив царственной четы.

Вторую карету, чуть менее помпезную, занимали цесаревич Николай и датская принцесса. В третьей я ожидал увидеть остальных детей царя, но в ней ехали принц Ольденбургский и великий князь Константин Николаевич. Александр и, судя по мундиру капитана Преображенского полка, Владимир Александровичи были в четвертой. Еще один молодой человек в этой карете был ни мне, ни Герману не знаком. Но, судя по вытянутому породистому лицу, это Николай Константинович, сын великого князя. На это указывало еще и то, что ему в силу статуса пришлось, как и Елене Павловне, ехать спиной вперед. Да к тому же делить диван с седовласым, увешанным, как новогодняя елка, орденами улыбчивым господином.

Народ вопил! Беззвучно, для меня оглохшего, открывались рты, выпучивались от усердия глаза. Дети размахивали флажками. Ветер рвал огромные штандарты на флагштоках вокзала. Я чувствовал себя так, словно находился внутри фантастичного, огромного 3D-кинофильма. Причем все вокруг – актеры и лишь я один – зритель.

Каково же было мое удивление, когда экипаж с младшими детьми государя, нарушая все правила... и традиции, что ли, вдруг стал усиленно тормозить. Орденосец перестал улыбаться, нагнулся вперед и что-то выговаривал Владимиру. А шкафообразный Александр поднялся во весь свой баскетбольный рост и смотрел – о господи! – прямо на меня!

Лошади уже едва-едва переставляли ноги, когда Саша, словно утлую лодчонку качнув огромную карету, легко спрыгнул на устланную коврами мостовую и, порозовев от небывалого нахальства, упрямо набычившись, пошел ко мне.

– Пропустите его! – легко перекрывая шум, крикнул царевич офицеру оцепления. Даже мои бедные уши пропустили этот глас иерихонских труб! – Ну же! Герман! Герман Густавович! Идемте же скорее к нам!

Вот представьте, каково мне было бы отказаться? Мало того что не подчиниться прямому приказу члена императорской семьи, так еще и просто не откликнуться на зов хорошего человека. Не думаю, что Александра похвалят за этот демонстративный жест. Скорее наоборот. А если бы еще я сделал вид, что слеп и глух...

Пришлось под далекими от дружелюбных взглядами придворных, которым оставалось только молча мерзнуть в своих открытых зиме экипажах, выбираться из-за спин обывателей и лезть вслед за Бульдожкой.

– Догадываюсь, Герман Густавович, что вы не собирались вместе со всеми ехать в Царское, – констатировал второй сын царя, когда экипаж тронулся с места. – Это представляется мне бесчестным по отношению к вам.

– Боюсь, я не достоин такого к себе внимания вашего высочества. – Какое счастье, что слух практически полностью вернулся. Читать по губам я не умею. – Право, не стоило так беспокоиться!

– Позвольте уж, милостивый государь, его императорскому высочеству самому решать, что стоит делать, а что нет! – вспыхнул седовласый. – Не вам о том судить!

– Да-да, конечно. Прошу меня извинить, ваше высочество. Я несколько растерян случившимся.

– Со слов Николая вы представлялись мне более находчивым, – хмыкнул сановник. – Вы, верно, тот самый господин из Сибири, что считает уместным слать послания незнакомым людям?

Едрешкин корень! Рядом со мной сидел главный воспитатель Никсы, великий и ужасный граф Сергей Григорьевич Строганов.

– Коли пришлось бы снова оказаться в таком положении, я и тогда посмел бы писать вам, ваше сиятельство. Не дай бог, конечно...

Строганов фыркнул в густые усы, но я понял, что мой ответ ему понравился.

– Однако же наш Саша теперь станет героем светских сплетен, – растянул по-юношески пухлые губы в лукавой улыбке Владимир. – Впрочем... Это снова сойдет ему с рук.

– Отчего же? – наморщил лоб Александр.

– Станут говорить, будто это Никса тебя просил, – пожал плечами более молодой, но явно больше старшего искушенный в придворных интригах цесаревич.

– Ну так что с того?

Взглянув на Сашу, я подумал, что с его семейным прозвищем Романовы все-таки ошиблись. Он тогда выглядел настоящим носорогом, нагнувшим вместо грозного рога выпуклый лоб. И еще я... понял или догадался, не знаю, что вернее. Второй сын царя, быть может, и не способен так же быстро, как Николай, принимать решения и от этого кажется несколько глуповатым, но это не так. Он не глуп. Недостаточно образован, стеснителен и недостаточно ловок, что при его богатырской комплекции вполне естественно. Но – не дурак.

– Ну же, Саша! Представь нам своего гостя, – непринужденно сменил тему Владимир. И, уже обращаясь ко мне, добавил: – Только не примите это за оскорбление. Конечно же нам ведомо, кто вы таков.

Лошадей не погоняли. Вдоль дороги бесновался в проявлении неземной радости столичный люд. Студеный ветер срывал с губ клочья пара и уносил его тени на восток, в сторону

дома. И пока цесаревич перечислял мои должности, потом титулы Строганова, потом младшего брата, я отчаянно завидовал летящим в Сибирь облакам.

Ну и еще старался придумать какую-нибудь вескую причину, чтобы спрыгнуть на следующем же повороте и не ехать с детьми государя в Царское Село. Мне казалось, что это будет правильно. Что это сделает выходку Александра легким капризом, а не хорошо обдуманной придурью. И, в конце концов, я же не навязываюсь. Мне и нужно-то лишь, чтобы меня не трогали. Дали доделать свои дела в столице, встретиться с нужными людьми и вернуться в уже полюбившийся теремок в Томске.

– Мне представляется неприличным беспокоить своим непредвиденным присутствием господ церемониймейстеров, – осторожно начал я. – Каково это станет, если окажется, что я занимаю чье-нибудь место? Не будет ли лучше мне прибыть в Екатерининский завтра вместе с остальными приглашенными?

– Да у кого же еще может быть здесь место? – сделав вид, будто не понимает, о чем я говорю, лукаво блеснул глазами Владимир. А Саша попросту кивнул – словно линкор качнул орудиями главного калибра. – Кто же еще, как не вы, наш новый родственник?

– Родственник? Ваше высочество? – вскинул брови я.

– Ну конечно. Вы ведь теперь рыцарь и командор ордена Ольденбургских, а таковым может быть только член семьи. Мы, Романовы, какой-то мерой еще и князья Ольденбургские. Неужто вам не сказали? Папа был, кажется, еще недоволен, что Петр Георгиевич не дал вам титул к кресту.

Вот же едрешкин корень! У меня от удивления разве что рот не открылся. И еще знатно запыхали уши. Вспомнил, как я злился на принца, когда он награждал меня этим самым коронованным крестом. Как обвинял его в душе в краже своих заслуг. И тут вдруг оказывается, что таким замысловатым образом наш семейный покровитель ввел меня в семью. Я его вором и прохиндеем называл, а он мне двери лучших домов Санкт-Петербурга открывал. Вот стыд-то какой!!!

– Да-да, – проскользнул в разговор Строганов. – Барон фон Лерхе куда больше приличествует для Глюксбургов. Об этом стоит поговорить с государем. Александр?

– Мы поговорим с папá, – снова опередил брата Владимир. – Мы тоже умеем быть благодарными.

– Но, ваше императорское высочество, ваше сиятельство, я не хотел... Я не для этого...

– А чего же вы хотели, молодой человек? – саркастично прищурился граф.

– Спасти жизнь, – тупо брякнул я. – Я не желал для себя. Не думал, что так выйдет.

Да у меня в этот момент словно кто-то злокозненный все нужные слова из памяти стер. А Герман с тех пор, как я чуть ли не сбежал из Аничкова дворца, вообще отказывался как-либо проявляться.

– Ну и что же теперь должно предпринять государю в отношении вас? Не может же он оставить вас в прежнем состоянии, хотите вы того или нет. Самодержец в нашей Отчизне прежде всего должен все силы прилагать к поддержанию благообразия государства! И как же это станет, коли вас не наградить? Так и говорить начнут крамольное, и делать должное перестанут.

– А вот Никса о долге государя нечто совсем отличное говорит, – делая невинные глазки, сдал брата Владимир. – Он, Сергей Григорьевич, намедни Саше доказывал, что первейшим делом стоит приведение державы в порядок, развитие производств, придание императорской армии должной силы. И еще – что иные страны должны вспомнить о русской мощи.

– Да-да, – спрятал улыбку в усах опытный царедворец. – Кто же из цесаревичей о славе Петра Алексеевича не мечтал? Вот и батюшка ваш Александр Николаевич с попечителем своим господином Жуковским немало на этот счет беседы вели. Государь наш и реформы свои великие оттого начал. Да, слава богу, вовремя одумался. Реформы – это, ваши высочества, что?

Это суeta и беспорядок! Великий князь вот все на историю уповаet. Дeскать, она нас рассудит. Я и не спорю. Чтo проку? Рассудит. История, уж поверьте старику, – дама степенная, чинная. А они ей эту мышиную возню под нос, прости господа! Где же тут благообразие? Дeрганье только и шум...

Когда я выбирал кандидатуры тех людей, кому отправить свое послание – предупреждение о болезни наследника, то в первую очередь интересовался близостью к трону и участием в судьбе Николая. Читая Василинину сводку о графе Строганове, отметил для себя, что Сергей Григорьевич – покровитель искусств и интересуется отечественной историей. Нескольким десяткам или даже сотне тысяч своих крестьян дал волю до высочайшего манифеста! Мне тогда и в голову не могло прийти, что это может быть жестом против реформы, а не за нее!

А ведь он хитер! Строгановские крепостные получили личную свободу и какие-то наделы земли без всякого выкупа. Но на других – не на тех, что провозглашал манифест, – лично им установленных условиях. Яркий образец коварства и хитроумия. И царскую волю исполнил до ее публичного провозглашения, и при своем остался. Могу себе представить, с чем сталкивался великий князь Константин, пока продавливал через Государственный Совет проект реформы, если каждый из ретроградов, ему противостоящий, хотя бы вполнину умен, как этот граф Строганов!

– Ну а вы, молодой человек, что скажете? – выдернул меня из полудремы раздумий воспитатель Николая. – Тоже, наверное, по годам своим рветесь все реформировать? Мне говорили, вы у себя в Сибири что-то и вовсе грандиозное задумали?

– Это эксперимент, ваше сиятельство, – скромно поклонился я. – Мне представляется опасным, когда изменений слишком много. Я бы не посмел менять сразу все в единое время. А вот провести эксперимент, попытаться что-то реформировать в одном, далеком от центральных губерний месте, – это другое дело. Небольшими шажками. Одно за другим...

– Да-да, – не до конца поверил граф. – Это разумно. Необычайно разумно для столь неискушенного в делах господина. И что же вы переменили бы в первую очередь?

– Я бы, ваше сиятельство, дозволил крестьянам переселяться на свободные земли в Сибирь. Нет-нет, не отовсюду! Я понимаю! Хотя бы сначала из тех мест, где земель мало или они ненадлежащего для крестьянского труда качества. Из прибалтийских губерний, с нечерноземных территорий...

– И что бы вам, Герман Густавович, это дало? – Он явно был заинтересован, хотя и старался этого не показывать.

– В этих местах стало бы просторнее, у черни не было бы повода больше роптать, что весьма способствовало бы благообразию. А в Сибири гигантские пространства простаивают без всякого применения. Выращенные там продукты могли бы быть доставлены на уральские заводы взамен тех, что привозят из приволжских губерний. Это позволило бы увеличить экспорт зерна...

– Оттого вы, Герман... Вы позволите мне вас так называть? От этого вы печетесь о строительстве паровозной линии от Томска к Уралу? Однако! Исключительно приятно, доложу я вам, обнаружить такую широту взглядов в таком молодом господине! Этакие дела изрядно благообразны. Да-да! И эту мысль следует немедля донести до государя. И не спорьте! Давайте ка...

Дальше мне и говорить не пришлось. Только кивать в соответствующих местах или улыбаться. Граф сам вполне справлялся. Кorteж не успел еще свернуть с Московского на Загородный проспект, а загоревшийся идеей царедворец уже выдал три или четыре относительно реальных способа добиться внимания царя к теперь уже нашему общему проекту. Причина его энтузиазма лежала на поверхности. Строгановы владели многочисленными заводами на Урале, и перспектива кормить рабочих дешевым сибирским хлебом не могла его не радовать.

Думаю, он не возражал бы и против того, чтобы часть следующих в мою губернию переселенцев остановилась в его вотчинах. После февраля 1861 года все промышленники испытывали нехватку рабочей силы.

Меня это совершенно не пугало. Я верил, что ямщик Евграф Кухтерин все-таки решится приехать ко мне в Томск весной. А уж в талантах этого проныры я нисколько не сомневался.

Царскосельский вокзал мало отличался от безликих коробок казарм и офицерских общежитий вдоль Введенского канала. Чуть больше флагов и венков. Плотнее толпа. Многочисленнее гвардейское оцепление. На мостовой вновь появились скрывающие доски ковровые дорожки. Кареты, словно железнодорожные вагоны, покатались ровно, без опостылевшего дребезжания и цокота подков по булыжникам.

Пришлось ждать своей очереди. В пальто было зябко. Ветер легко выдувал остатки тепла из самых укромных местечек. Царевичи наверняка тоже мерзли, но ни словом, ни жестом этого не показали. И потом, когда наш экипаж фореитеры подвели к проходу в вокзал, шли медленно, успевая приветствовать подпрыгивающих от восторга обывателей.

В общем зале, где мне пришлось остаться – в царские палаты никто даже и не подумал пригласить, – оказалось тесно. Курильщики гнали на перрон, и все равно одетые с варварской роскошью сановники сталкивались, звеня орденами. Следовал ритуал извинений, без особой, впрочем, любезности, и почти сразу – новое столкновение.

Самое время незаметно покинуть это высокородное общество. Однако попрощаться с младшими детьми царя я не успел, а уйти по-английски – значит их обидеть. Чего уж я точно не желал.

Но и войти без приглашения в императорский зал вокзала я не мог. В глупой надежде, что кто-нибудь из царевичей соизволит хотя бы взглянуть, приходилось стоять в каком-то закутке у самого выхода к паровозам и не отрываясь смотреть на высокие двери, за которыми ожидала подачи состава царская семья...

– Герман! Герман Густавович?! – Голос явно принадлежал великой княгине Елене Павловне, но ее саму за шитыми золотом спинами вельмож я не видел. – Идите скорее сюда!

Я пошел на звук голоса. Незнакомцы вежливо кивали, с немногочисленными знакомцами приходилось раскланиваться. Несколько минут ушло на неспешное преодоление тридцати метров зала.

– Герман, – прошипела по-немецки княгиня, потянувшись к щеке, – какого черта вы здесь делаете? Как вообще вам удалось сюда пробраться?!

– Ваше высочество, я и не собирался! Но меня пригласили в экипаж...

– Ах Герман, да какое это имеет значение! Вам нельзя здесь быть, поймите же наконец! Это, верно, снова чья-то злая интрига... Но вы-то сами? Как вам могло в голову прийти?

– Так ведь...

– И не смейте оправдываться. Представьте, только представьте, что милая Дагмара узнает о болезни Николая! Какой может выйти конфуз! А виноваты в том станете вы, Герман! И я вместе с вами...

– Как же так?

– Да уж найдется кому указать на вас, милый Герман, пальцем. Да поведать принцессе, что вот, дескать, этот человек спас вашего жениха... Понятно вам наконец?

– Но что же...

– Стойте здесь и не смейте двинуться с места. Я найду Петю, и он придумает, как вас услать... А я передам царевичам ваши извинения.

Кому Петя, а кому и его высочество принц Ольденбургский. Благо тот быстро понял всю опасность моего в этом обществе дальнейшего пребывания и сразу явился самолично приказывать мне немедленно отправляться готовиться к завтрашним смотринам. О которых я, кстати говоря, вообще уже забыл.

Можно подумать, мне для готовности нужно было сбегать в тридевятое царство за молодильными яблоками!

Но спорить не стал. Потому что придворными стратегами все уже спланировано и организовано. И эти пресловутые смотрины назначены на тот же день, что и крещение датской принцессы, чтобы гарантированно удалить меня от невесты. Чтобы она, не дай бог, не провела раньше времени, что Никса болен, и не отказалась в последний момент идти под венец.

А еще потому, что понял – против меня играет кто-то могучий и злой. Готовый ради лишения меня царской милости разрушить брак двух государств. И я испугался.

Дело окончательно запуталось, когда на следующее же утро я узнал из газет, что после прибытия царской семьи в Екатерининский дворец в Царском Селе цесаревичу стало дурно и он был вынужден лечь в постель. Лейб-медики определили у Николая банальную простуду. Положившись на здоровые силы организма и милость Господню, церемонию крещения датской принцессы в православие решили не отменять. «Ведомости» дополнительно сообщали, что весь вечер принцесса Дагмара изволила провести у постели простудившегося наследника, развлекая его беседой и чтением книг.

Весьма и весьма многозначительная новость для тех, кто знает подоплеку. Во-первых, во всеуслышание объявлялось, что датчанка не отступится от жениха, несмотря на его болезнь. Оставалось лишь вздохнуть с облегчением и понадеяться, что больше мне не придется быть пешкой в чьей-то игре, правила которой я даже не понимаю.

Второе, на что стоило обратить внимание, – это дата выхода номера. Дело в том, что при существующих к тому времени технологиях печати самой свежей новостью в газете была позавчерашняя, но никак не вчерашняя. И появление этого сообщения во всех столичных изданиях одновременно означало, что все спланировано заранее. Я легко мог предположить, что Никса вовсе не болел и не валялся вчера в кровати, а Дагмара не держала его за ручку, как утверждали газеты, и не веселила его байками из жизни датского двора. Потому что совершенно все равно, чем они там занимались, лишь бы не попадались на глаза излишне любопытным господам.

И как бы я ни морщил лоб, как бы ни искал свое место в этом хитросплетении интересов высородных, без подсказок моего пассажира Геры ничего путного не придумал. Даже поймал себя на мысли, что скучаю по его инфантильным возгласам, бьющей через край энергии и, конечно, информированности.

К полудню к генеральскому дому на Фонтанке подали богатую карету с гербами принца Ольденбургского на дверцах. Покровитель желал лично проконтролировать союз двух «подотчетных» семей и предложил смотрины провести у него во дворце. По понятным причинам отказаться от такого приглашения отец не мог.

Многие дома Санкт-Петербурга могут похвастаться богатой историей. Некоторые из них могли бы рассказать какую-нибудь поучительную байку или стали частью столичных легенд. Иные известны знаменитостями, когда-то в них жившими. Строение на Миллионной под номером один, по словам хорошо информированного Германа, совмещало в себе все перечисленное. По правде говоря, отправляясь на прием к принцу, я меньше всего на свете хотел знать историю его дворца. Только попробуй заткни непрерывно бубнящего внутри собственного черепа партизана!

В начале восемнадцатого века в северной части Большого луга, что выходит теперь на Дворцовую набережную, находились солдатские казармы. Чуть позже – бассейн, а после – карульня. В середине прошлого века Растрелли выстроил там деревянное здание Оперного дома, простоявшее почти до конца века. Вскоре после открытия там дана была первая русская опера «Цефал и Прокрис», сочиненная господином Сумароковым.

В конце восьмидесятых годов восемнадцатого века Оперный дом сломали за ветхостью, а на освободившемся участке построили дом для Ивана Ивановича Бецкого. Трехэтажный кор-

пус с висячими садами и крытой галереей, внутри украшенный многочисленными произведениями искусства, часто называли дворцом. Хозяин запросто принимал у себя философа Дидро или польского короля Станислава-Августа.

Некоторое время в особняке Бецкого жил Крылов. Там же находилась и его типография. Но в легенды столицы он вошел не этим. Старожилы рассказывали, что летом по утрам Иван Андреевич любил ходить по своей комнате совершенно голым, играя на скрипке. Окна выходили в Летний сад, где, в свою очередь, летом любили прогуливаться дамы. Естественно, их привлекали звуки музыки. Говорят, дело дошло до вмешательства полиции, которая предписала знаменитому баснописцу «спускать шторы, в то время как он играет. А то по саду гулять совсем невозможно».

Со смертью его высокопревосходительства Бецкого во владение домом вступила его дочь Анастасия, вышедшая, кстати, замуж за строителя Одессы, того самого адмирала де Рибаса. А в двадцатых годах уже текущего, девятнадцатого, особняк унаследовали дочери прославленного адмирала. Пока в 1830 году дом Бецкого не был выкуплен в казну и не передан принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому.

Для нового хозяина дворец перестроили. Архитектор Стасов убрал висячие сады, и со стороны Лебяжьей канавки и Марсова поля был надстроен новый этаж с обширным танцевальным залом. Во дворце появилась лютеранская часовня Христа Спасителя. А над главным фасадом вознеслись две греческого вида тетки, которым студенты училища правоведения не уставали изобретать все новые и новые прозвища, соревнуясь в остроумии.

Но это так, вспомнилось отчего-то. Так-то я всю дорогу голову ломал, зачем это принцу понадобилось таким хитрым способом завлекать меня к себе. В то, что он, будучи верным долгу семейного нашего покровителя, бросит все дела в Царском Селе ради нас с Наденькой Якобсон, я ни секунды не верил. В его силах в крайнем случае было элементарно перенести смотрины на любую удобную для него дату. Тем более что тогда не пришлось бы «отпрашивать» фрейлину ее королевского высочества принцессы Марии-Софии-Фредерики-Дагмары.

Так что в этот знаменитый особняк я входил в несколько озадаченном состоянии. Густав Васильевич даже стал посматривать на меня как-то неожиданно лукаво и усмехаться. Даже изрек что-то вроде: «Тебе, Герман, с этой женщиной в атаку не скакать. Час изволь потерпеть!»

В голубой гостиной нас уже поджидал Иван Давыдович Якобсон. Он крепко пожал мне руку и тут же, приобняв отца, увел того в сторону. Старики все еще не окончили торг по поводу приданого.

Я даже сесть не успел, как по мою душу явился слуга с известием, что его императорское высочество хотел бы меня видеть в своем кабинете. Естественно, прямо сейчас. То есть немедленно. Я тяжело вздохнул, поднялся и пошел. В конце концов нужно же как-то разбираться в череде непонятных событий, в которые я оказался вовлечен собственным человеколюбием.

Принц, обрядившись в военный мундир, видимо, пытался казаться грозным. Ну или хотя бы разгневанным. Только Герочка давным-давно успел выболтать, что Петр Георгиевич – добрейшей души человек и половина Петербурга этим охотно пользуется. Говорят, некоторое время назад молодые дворяне, входящие в ближайшее окружение цесаревича Николая, на приеме у великой княгини Елены Павловны весь вечер просили принца передать им то, подвинуть это... И добряк Ольденбургский молча передавал и подвигал, хотя этим были должны заниматься слуги. И так бы это глумление и продолжалось, пока Никса не запретил своим людям это жестокое веселье.

Так что в гнев покровителя я тоже не верил. Мягкий он и пушистый, как плюшевый мишка. И если и делал что-то, хоть как-то влияющее на придворную жизнь, то только под давлением своей жены-ведьмы, принцессы Терезии, которую боялся и ненавидел весь свет. Ну или, конечно, по просьбе кузена, императора Александра. Поэтому я и почувствовал себя

обворованным, когда понял, что принц попросту присвоил себе мои заслуги. Обидно, знаете ли, стало. От кого-нибудь другого – ладно, но уж от него такой подлости не ожидал.

К слову сказать, эта самая Терезия, принцесса Ольденбургская, в девичестве Нассау, терпеть не могла императрицу Марию Александровну. А та соответственно – Терезию. Что-то там было в отношениях Гессенского дома и династии Нассау такое, что две эти женщины и в столице Российской империи не могли жить в мире. Свет с удовольствием обсуждал болящую от любви к Никсе принцессу Екатерину Ольденбургскую, которой мать запретила менять религию, чтобы та могла выйти замуж за наследника. А дело было лишь в том, что императрица Мария была не против этого брака...

Так что о чем должна пойти речь, отгадать просто невозможно. От простого, по настоянию Терезии, выражения недовольства к спасителю сына ненавистной «гессенки» до предложения чина и поста в министерстве по поручению Александра Второго. От этого, видимо, и первая, призванная стать для меня просто громом посреди чистого неба, фраза принца меня нисколько не тронула. Устал уже волноваться и переживать, что ли?

– Герман, государь наш император Александр поручил мне передать вам его высочайшее неудовольствие!

Я чуть не брякнул что-нибудь вроде: «Поручил – так передавай». Еще бы и руку протянуть ладонью вверх... Великий был... будет мультфильм. Жаль, я его никогда не увижу... Но нужно же быть учтивым. В конце концов, принц, как выяснилось, ничего плохого мне и не делал.

– Позволено ли мне будет узнать, ваше высочество, – поклонился я, – чем вызвано высочайшее неудовольствие?

– Конечно! – Принц немного смутился, словно начинающий актер, подзабывший текст роли. – Герман, что это за отвратительные слухи, которые вы распускаете в свете? Как вы смеете обсуждать с кем бы то ни было состояние здоровья его императорского высочества цесаревича Николая Александровича? Я уже не говорю о возмутительном, вам приписываемом утверждении, будто бы хворь цесаревича и вовсе не излечима! Une abomination!⁸

Ого! Вот это номер! И как я должен это абсурдное обвинение воспринимать? Сам принц такое выдумать точно не мог. Сценарий этого монолога написан совсем в другом месте. Вот только зачем? Наскучил выскочка? Помешал кому-то? Ну так достаточно мне намекнуть, дескать, а не поехал бы ты в свою Сибирь... Я бы и уехал. Еще и с радостью. И вздохнул бы с облегчением, едва перрон мимо окна бы пополз...

Но ведь нет! Кому-то понадобилось меня не просто выслать, а еще и в глазах царя очернить. А учитывая личность Петра Георгиевича, список этих людей не слишком и велик. На самом деле, если хорошенько задуматься, так и критически короток. И даже может создаться впечатление, будто сам царь желал таким образом скомпрометировать меня в своих собственных глазах! Они тут все что, грибов обьелись?

– Дозволено ли будет мне, ваше высочество, попытаться оправдаться?

– Да-да, Герман. Я постараюсь передать твои слова государю.

– Благодарю вас, ваше высочество, – искренне, прижав руку к сердцу, поклонился я. – Прошу передать его императорскому величеству, что все это злобный навет и клевета. Клянусь честью, ваше высочество, я ни с кем в Санкт-Петербурге или иных землях империи не обсуждал здоровье цесаревича Николая Александровича! И уж тем более не распускал никаких слухов. Я бы никогда не посмел...

– Довольно, Герман, – вдруг улыбнулся Ольденбургский. – Я понял все, что ты хотел сказать. Я тебе верю. Ты всегда был достойным сыном достойного отца. Я постараюсь защи-

⁸ Мерзость! (фр.)

тить тебя от гнева его императорского величества. Идите, Герман. Вас уже, видно, заждались очаровательная Наденька Яковсон. Идите и ни о чем не беспокойтесь. Все будет хорошо.

Какой из плюшевого мишки защитник, я себе хорошо представлял. Очень хотелось бросить всю эту матримониальную суету и рвануть в Царское, чтобы поговорить с великой княгиней. Уж Елена Павловна-то – умнейшая женщина и наверняка смогла бы объяснить мне эти таинственные маневры.

– Отправляйтесь к невесте, сударь. Я тоже сейчас же спущусь.

Ага. Сбежишь тут. Когда два генерала уже добро, поди, поделили и мысленно нас с Надеждой уже поженили.

Мадемуазель Яковсон была невысока ростом. Не слишком большая грудь, маленькие ушки, узкие ладони. Покатые, невыразительные плечи. Для меня, выросшего в век, когда женщины уже успели завоевать себе право укладывать шпалы и асфальт, эти ее плечики показались и вовсе какими-то недоразвитыми.

Прямой ровный нос. Не курносый и не свисающий, как клюв хищной птицы. Маленький ротик, аккуратный подбородок. Тугая коса кольцом на затылке по тогдашней моде. Если у Наденьки Яковсон что-то и было выдающееся, так это скулы. Крутые, высокие, равно присутствующие и прекраснейшим из парижанок, и очаровательным татарским девушкам. Откуда только взялись? Сам Иван Давыдович, что называется, – чистокровный скандинав. Датчанин. Его супруга Эмилия Вениаминовна – из семьи обрусевших немцев. Но так вот загадочно гены сложились...

Надя стояла у высокого окна, о чем-то напряженно размышляя и от этого неосознанно прикусывая губу. Видимо, это «что-то» было необычайно важным, раз даже стук моих каблучков по сверкающему солнечными бликами паркету ее не отвлек.

Я не спешил заявлять о своем присутствии. Обстоятельства дали время хорошенько рассмотреть свою суженую, ну и попытаться хоть как-то разобраться в своих чувствах к этой девушке.

Или, что будет вернее, – в полном их отсутствии. Да, она миловидна и, по рассказам Германа, должно быть, хорошо образованна. Я мысленно уже смирился с тем, что мне суждено стать совладельцем Асташевских золотых приисков. Но только теперь, в этом пустом, залитом светом зале, мне пришло в голову, что, женившись на этой девушке, я буду вынужден кардинально изменить не только образ жизни, но и свои дальнейшие планы! Ведь у меня появится семья... Возможно, и дети... В той жизни как-то не вышло. А тут...

Сердце обдало горячей волной. Дети! Заводы, переселенцы, железная дорога – это для земли, для людей. А что мне? Дети?! Непостижимые, иные существа, в которых станет течь моя кровь. Которые понесут память обо мне... ну пусть и о Лерхе, но все-таки о моих деяниях – вперед, сквозь время...

– А, Герман, – заметила наконец мое присутствие девушка. – Нам следует серьезно поговорить. Подойдите ближе...

Не чувствуя ног, я как-то сумел приблизиться и поклонился.

– Наши родители сговорились непременно нас поженить, – сурово сжав губки, выдала новость века Надя. – Ни вы, Герман, ни я не в силах бороться с этим. Однако же у меня есть к вам одно условие...

Нелогично, но интересно. Я кивнул и улыбнулся.

– Что вы все молча?

– Слушаю вас, мадемуазель. – В эти игры я умел играть лучше нее. Опыт дважды женатого человека, знаете ли. – Что за условие?

– Вы что, – надменно прищурилась дочь главного военного интенданта страны, – не скажете уже, что готовы на любое?

– Нет, сударыня. А ну как вы попросите луну с неба?

– Какой вы, право... Нет, Герман. Я о другом... Вы, верно, знаете о Катеньке Ольденбургской? О том, как она страдает?

– Что-то слышал, – был вынужден признать я. Хотя разговор мне уже не нравился.

– О господи! – всплеснула она руками. – Здесь вопрос жизни и смерти, а он «что-то слышал»! Это драма великой любви, и мы все обязаны приложить усилия к воссоединению сердец!

– Кто – «мы»? – все-таки решился я уточнить.

– Ну я, вы, Машенька Мещерская, Саша Ольденбургский... Он так любит свою маленькую сестричку... Цесаревич Александр... – Девушка явно брякнула последнее имя от волнения или не успев поразмыслить как следует. И замерла настороженно. Как собака-тетерева-ница при виде добычи.

Екатерину Ольденбургскую прочили в жены наследнику Николаю. Это было бы удобно всем. Романовы получили бы прямое право на земли в Лауэнбурге, и две ветви одной семьи слились бы в детях этих молодых людей. Но у этого союза было одно, с виду незначительное, условие. Принц Ольденбургский должен был передать дочь на воспитание в императорский дворец. Попечением будущей великой княжны готова была заняться лично императрица Мария Александровна.

Принцесса Терезия была против. И брак оказался обречен. Но случилось непредвиденное. То, чего придворные стратеги не могли предусмотреть или на что не обращали внимания. Катенька влюбилась в Никсу. Да так, что, едва тот отправился в Данию на смотрины принцессы Дагмары, принцесса Ольденбургская слегла с сильнейшим нервным расстройством.

В том, что сын Петра Георгиевича прекрасно знаком с цесаревичем Александром, я ничуть не сомневался. И мог себе представить влияние Марии Мещерской на второго сына царя. Но мысль о том, что Саша станет препятствовать счастью старшего брата, пытаться расстроить его брак с датчанкой, просто в голове не укладывалась! И это даже если не учитывать, что жертвой в этой заведомо проигрышной игре великосветские романтики выбрали меня.

– Ну так что у вас там за условие? – уже подозревая, к чему ведет Надя, чуть ли не рыкнул я.

– Я готова выйти за вас замуж, сударь, при условии, что великий князь Николай Александрович воссоединится с принцессой Екатериной Петровной. Вот!

– Мнение цесаревича Николая, конечно, не рассматривается, – кивнул я своим мыслям.

– О, Никса тоже влюблен в Катеньку! Как же ее можно не любить? Во всем виновата эта датская ведьма! Вы видели, какие у нее темные глаза? Это она околдовала бедного Николая. Или опоила чем-то...

– Вы это сами все придумали, мадемуазель, или я должен благодарить за честь стать жертвой на алтаре неразделенной любви кого-то другого?

– Этого я вам не скажу, пока вы не поклянетесь самым дорогим, что у вас есть, что примете мое условие!

В зале выключили свет, солнце зашло за тучи или у меня в глазах потемнело? В голове зимним разбуженным медведем заворочался Герман. Я был почти рад его возвращению. Без него моя ярость недостаточно разрушительна.

– Вы, сударыня, – начитавшаяся глупых французских романов идиотка, – прорычал я. – Передайте этому вашему... главному заговорщику, чтобы искал какого-нибудь другого сумасшедшего! Прощайте!

Гера был не удовлетворен. Он проснулся и требовал продолжения. Очень хотелось что-нибудь сломать...

Впрочем, свой брак с этой... с Надеждой Якобсон я, похоже, уже сломал. Лучше попрощаться с этой девушкой, чем расстаться с надеждой успеть изменить хоть что-то в своей любимой Сибири. То, что я принял за подарок свыше, оказалось всего лишь искушением.

Глава 3

Немецкий клуб

Датскую принцессу благополучно окрестили в православие и нарекли по-простому – Марией Федоровной. Наверное, чтобы не слишком отличалась от действующей императрицы, Марии Александровны. И на следующий же день его императорское высочество государь цесаревич Николай Александрович и ее королевское высочество принцесса Датская Мария Федоровна изволили обручиться. «Свадебные торжества назначены на июль», – писали газеты.

С каждым пролетевшим мимо днем все эти придворные выкрутасы становились все менее волнующими, все меньше и меньше меня касаемыми. На счастье, и царь, и его дети пока меня не трогали, и я мог наконец-таки заняться делами. Прочитал газету, хмыкнул, понадеялся, что на свадьбу меня из Томска приглашать не станут, и отложил серые, пачкавшие пальцы свинцовой краской листы.

Честно говоря, по дороге в столицу была такая мыслишка, что неплохо бы хоть немного отдохнуть. Пожить в свое удовольствие, расслабиться. Командировочный романчик с какой-нибудь вдовушкой закрутить. Тьфу-тьфу три раза. Наотдыхался по уши!

Накинулся на работу, как голодный зверь на добычу. Мои визитные карточки полетели по городу. Во дворе весь световой день дежурили сразу несколько профессиональных посыльных, и всем им рано или поздно находилась служба. Не принято сейчас являться без приглашения. Что тут поделаешь, приходилось их организовывать.

Праздники кончились. Санкт-Петербург постепенно вползал в рабочую колею. Открылись министерства и учебные заведения. И всюду у меня были свои интересы.

Напросился в гости к Николаю Николаевичу Зинину в медико-хирургическую академию, где тот служил директором кафедры химических наук. Ну что сказать – забавный дядька с огромными, свисающими, как уши спаниеля, усами. Живой такой, веселый. И совершенно дикий. В смысле чинопочитания.

Так уж получилось, что на Морскую я приехал, будучи наряжен настоящим попугаем: в парадном мундире, при орденах и шпаге. Мне показалось, даже памятник военному врачу Виллие, сидящий у классического портика академии, глядя на меня, хихикал. А вот Зинину было плевать. И на мои генеральские погоны плевать, и на Ольденбургский крест, открывающий двери в самые недоступные кабинеты, – тоже. Профессор, едва разобравшись, кто именно перед ним, крепко, по-мужицки, меня обнял. Потом обругал всякими нехорошими словами, так что я даже розоветь начал от злости, и тут же полез целоваться. Дикий – лучше слова не подберешь.

И умный. Как начал своими колдовскими заклинаниями сыпать, я побоялся, что в жабу превращусь. Студенты, что стояли рядом, хлопали глазами, явно понимая три через пять, но усиленно кивали. А когда осознали, что я – один из изобретателей зипетрила, устроили овацию и предложили немедленно продемонстрировать злую силу новейшей взрывчатки. Отказался. Что я, бомбы в детстве мало взрывал? Чуть из школы не выгнали за увлечение пиротехникой.

У Николая Николаевича, если отбросить всякую высоконаучную шелуху, удалось выявить три новости. Одну, по его словам, плохую и две хорошие. По мне, так все три так себе.

В общем, зипетрила для взрывных работ на Чуйском тракте у меня не будет. Дирекция академии отказалась спонсировать мало относящиеся к медицине работы. Производство нового взрывчатого вещества требовало существенных капиталовложений и сложного оборудования. На заводике Петрушевского в Петергофе только-только начинали сборку купленных на деньги подполковника приборов, но, даже если наладка успеет закончиться до лета, произ-

водство может так и не начаться. Некоторые ингредиенты в России не изготавливаются. Их нужно заказывать за границей.

Я попросил написать список на бумажке. Профессор совершенно барским жестом махнул какому-то Саше, и молодой человек тут же накорябал три строчки.

– Все? – удивился я. – Я думал, там на пару железнодорожных вагонов...

– Какое! – отмахнулся химик. – Гениальность нашего с вами, Герман Густавович, изобретения в том, что оно простейшее! Просто, прости господи, элементарное! Однако же этих веществ у нас не делается. Не было нужды, знаете ли.

Чуть ли не пытками выяснил я у развеселившегося ученого, что два из трех самых дефицитных ингредиентов вполне возможно получать из угля. Немедленно попросил его посоветовать специалистов, способных наладить производство у меня в Сибири. Уж чего-чего, а угля у меня завались. И мне еще чугунок строить. Взрывчатки много нужно будет. Так почему бы самому для своих нужд ее не бодяжить?

Зинин задумался. А потом пообещал прислать одного парнишку. Александра Кирилловича Крупского, едрешкин корень! Ему еще, правда, пару лет в университете доучиться надо. И хорошо бы за границу на стажировку отправить... А так – весьма интересуется извлечением всяческих полезных свойств из каменного угля.

Я поблагодарил. Но с такой кислотой на лице, что Зинин задумался во второй раз. И предложил еще одного студента – Александра Фридриховича Бага. Этот к горячему камню интереса пока не проявлял, но зато спит в обнимку с бутылкой царской водки. Кислоты – это его стихия. И парень как раз к лету обучение закончит.

Согласился. Этот лучше. Пусть приезжает. Жилье и жалованье – с меня, ум и предприимчивость – с него.

В качестве хорошей новости выступила записка из Минфина. Они отказывались регистрировать государственную десятилетнюю привилегию на зипетрил без внятной пригодной для промышленности технологии его производства. Что тут хорошего, я не понял, но Зинин просто лучился самодовольством. Оказалось, он уже заказал своему другу и ученику Александру Михайловичу Бутлерову из Казанского университета разработку недостающего. И тот обещал немедленно взяться за работу.

Я сделал вид, будто тоже рад. В ученом мире свои завихрения, и не мне туда лезть.

Третье известие мне понравилось больше всего. А профессору не понравилось, что мне понравилось. Он понять никак не мог – что тут такого? Ну лежат на складах в Петергофе сто или даже сто двадцать пудов пропитанного нитроглицерином оксида магния, и Василий Фомич Петрушевский совсем не против мне это богатство продать. Разве это повод кидаться руки жать и в щеки целовать?

Не понимает человек, что мне хоть си-четыре, хоть динамит, лишь бы Чуйские бомы в воздух поднять. Очень уж они мешают.

На прощанье без сомнения великий русский химик предложил мне технологию производства анилиновых красителей для ткани. В подарок, так сказать. Но с условием, чтобы фабрика, эту краску вырабатывающая, непременно находилась в отечестве. Я пообещал и даже поклялся. Что это за краска и зачем она нужна, я уже потом выяснил. А от подарка было грех отказываться.

В общем, благодаря посещению академии этот день точно не был прожит зря. А ведь, выскакивая из-за здоровенных дверей Министерства внутренних дел, думал, все – как утро началось, так до вечера и пойдет. Глупо и непродуктивно.

К министру господину Валугеву я не попал. Тот был в Царском Селе с государем. Пришлось выслушивать настоящий выговор со скабрёзными шутками от министерского товарища, сенатора и тайного советника Александра Григорьевича Тройницкого. Причиной, конечно, было опоздание с подачей всеподданнейшего отчета.

– Я еще смог бы понять, коли вы по малости лет влюбились бы, что ли. Или дурную болезнь на водах лечили. Но нет! Вы иным были заняты! Вы, господин губернатор, с Третьим отделением дружбы водили и с генерал-майором Фрезе государевы земли делили! Кой черт, прости господи, вас понес на китайскую границу? Орденов захотелось? В малолетстве не наигрались?

– Я советовал бы вам, ваше превосходительство, выбирать другие выражения! – вспыхнул я.

– Знаете куда можете идти со своими советами? – и вовсе взорвался замминистра. – Мальчишка! Уж не вам меня поучать! Устроили там у себя... Научитесь прежде дела обделывать, чтобы поучать! Давно ли вам няньки перестали молоко утирать?!

– Мне, может быть, и недавно перестали, – процедил я сквозь зубы, – а вот вам скоро снова начнут, старый вы дурак!

Встав из удобного кресла, я вышел из кабинета. А потом и из министерства. Тройницкий что-то еще кричал в спину, но я не слушал. Вернувшийся, не покинувший друга в трудную минуту Гера предлагал еще и морду набить этому козлу. Едва не согласился...

И у самых практически дверей встретился с директором Сибирского комитета, незабвенным и непотопляемым Владимиром Петровичем Бутковым. Не было бы у меня в голове пассажира Герочки, прошел бы мимо. Как бы я смог догадаться, что этот низенький и коренастый, практически лысый господин в помятом пальто с засаленными клапанами карманов – тот самый статс-секретарь государя, начальник канцелярии правительствующего Сената и управляющий делами Кавказского комитета? Это помимо директорства в Сибирском комитете и работы в особой комиссии по судебной реформе. А по мне, так обычный потрепанный излишествами Фантомас. Классический младший инструктор какого-нибудь третьестепенного направления в районной администрации.

– Неужто Герман Густавович?! – обрадовался Бутков и тут же вцепился в мой рукав. Как клещ – лучше и не скажешь. – Что же это вы – из присутствия да с таким-то лицом? Я давеча говорил о вас в доме Шереметевых. Впрочем, что же это я хвастаюсь, ныне-то во многих домах о вас говорят. Вас, *cela ne surprend pas*⁹...

– От Тройницкого иду, – неожиданно для самого себя пожаловался я. – Едва сдержался от требования сатисфакции...

– От нашего счетовода? Ха-ха! От него сатисфакции требовать? Экий вы, *mon cher*, шутник. У Александра Григорьевича, видно, и на собственную смерть инструкция будет. – Видный деятель всего на свете, лишь бы поближе к царю, надул щеки, изображая Тройницкого, и очень похоже забубнил: – Осьмь тридцать, кхе-кхе, – умереть. Осьмь сорок две – прибытие в Царствие Небесное. Примечание. Уточнить величание архангелов! – И тут же, словно по секрету, наклонившись ближе ко мне, выговорил быстро: – Велено было вас, *mon cher*, подвергнуть, так сказать. Он и выполнил.

– И кто же? – удивился я. – Кто приказал? Неужто Валуев?

– А кто его знает, Герман Густавович, – оскалился тайный советник. – Сие мне неведомо. Около вас, дорогой мой, ныне такие силы выются. Такие значительные господа в вас интерес находят. Такие блестящие молодые люди о вас пекутся. Меж них и искать нужно. А счетовода нашего не вините. Ну его... Идемте... А вы же, верно, куда-то торопились?

– Да, у меня, Владимир Петрович, дела... Ждут меня...

– Ну да, ну да. А вы не забывайте меня, Герман Густавович. Непременно вспоминайте. Кто, как не я, вам был самый лучший попечитель и товарищ!

– Конечно. Проект Южно-Алтайского округа, должно быть, у вас теперь?

⁹ Что неудивительно (*фр.*).

– А вот не скажу, – растянув широченный, прямо-таки мультипликационных размеров рот в улыбке, заявил он. – Вот приходите. Уважьте старика. Заодно и о горных степях ваших расскажете. Вопрос еще до Сретенья должен быть в Госсовете рассмотрен. Так что на неделе вас жду...

До Сретенья – это хорошо. Это даже очень хорошо. Сретенье – это край. Это предел. Если я не успеваю выехать в губернию до Сретенья, можно и не торопиться. Все равно застряну на левом берегу Оби из-за разлива.

В общем, родное министерство встретило меня неласково. Если не сказать как-нибудь менее литературно... Опытный Герман меня успокоил, объяснил, чтобы за свой длинный язык я никаких репрессий не опасался. Свидетелей не было, а значит, слово Троицкого против слова Лерхе. Ерунда!

Однако настроение было испорчено. И я даже всерьез раздумывал, не отменить ли посещение медико-хирургической академии... Хорошо, что не отменил.

Кстати сказать, Министерство финансов оказалось более гостеприимным местом. Когда? Днями тремя после... Или на четвертый... Ну, разницы нет. В общем, получив из рук посыльного карточку министра финансов, тайного советника Михаила Христофоровича Рейтерна, побежал чуть ли не вприпрыжку.

Министр вовсе не походил на немца. Лобастый, кучерявый, даже слегка смуглый – скорее провансальский француз, чем германец. И говорил он быстро, захлебываясь словами, словно боялся, что его не станут слушать. Приходилось как бы напрягать слух, чтобы случайно не пропустить что-либо важное.

Начал Михаил Христофорович, как человек занятой, с самого главного. С расхваливания замечательного меня! И за новую таможенную станцию в Чуйской степи благодарил, и за открытие для русской торговли новой ярмарки на границе с Китаем. Вскользь прошелся по моим планам. Похвастался, что прожект открытия коммерческого Томского промышленного банка получил в министерстве высочайшую оценку и поддержку. Все нужные бумаги и прошения на высочайшее имя составлены, завизированы и скреплены печатями. Теперь дело только за монаршим автографом.

И мои бумаги по поводу регистрации двух новых акционерных обществ он также пообещал рассмотреть в ближайшее же время. Однако сразу предупредил, что из прожекта Томской железной дороги следует вычеркнуть одну строку. Ту, что касалась размещения десятилетних облигаций за границей. Как я предполагал, в Лондоне и Париже. Министр предложил вариант с выкупом Госбанком их у общества и отказался объяснять, для чего именно ему это нужно. Если я и хотел бы возразить, то все равно не успел. Уж слишком быстро он тараторил и менял темы.

Напоследок напугал меня комиссией Павла Петровича Мельникова – министра путей сообщения. Дескать, его аудиторы из тебя соки примутся пить, а ты крепись. Без визы инженер-генерал-лейтенанта государь прожект и смотреть не станет.

Потом пришел генерал-майор Рашет Владимир Карлович. Горный инженер, металлург и директор горного департамента Министерства финансов. И еще один в этом логове финансистов не немец с немецкой фамилией. Увел к себе, поил крепчайшим, вяжущим язык чаем с пряниками и рассказывал, что кабы ему лет двадцать с плеч скинуть, так и сам бы рискнул в мои края двинуть, заводы ставить. Хвалил за Чайковского. Пообещал помочь тому с подбором персонала и переслать чертежи изобретенной им чугуноплавильной печи. Заставил записать адрес какого-то доморощенного изобретателя, Василия Степановича Пятова. Сказал, тот выдумал какой-то новейший прокатный стан. Будто бы даже для броневых листов. Только Адмиралтейство этого Пятова обидело сильно. Так что ныне он вроде как не при деле и весь в долгах.

Зашел разговор о Фрезе. Рашет поморщился и смущенно отвел глаза. Пробурчал, что это не его епархия. Тут дело для Третьего отделения и жандармов... Честный он человек, этот неправильный немец Владимир Карлович. Настоящий инженер. Практик. Трудно ему будет в этом столичном гадючнике.

Зато о железных дорогах этот замечательный человек, настоящий фанатик металлургии, мог разговаривать бесконечно. Что называется, зацепились языками. Вскоре в ход пошли карты, которые подверглись безжалостной порче: дорога несколько раз меняла маршрут. Рассматривались и отвергались варианты. Спорили до хрипоты, до коньяку, до того, что заглядывали напуганные шумом адъютанты. Несколько раз...

Расстались, смею надеяться, друзьями.

Ах да, чуть не забыл. В длинном коридоре Минфина меня перехватил управляющий общей канцелярией министерства статский советник Дмитрий Фомич Кобеко. Оттянул в широкую нишу у окна и ну гундеть...

Общий смысл высказываемых претензий был в том, что мы с отцом, такие-сякие, не догадались сделать фирмочку-подставку для перепродажи наших с ним канцелярских принадлежностей. Таковую, чтобы фамилия Лерхе только в уставах отображалась. А то, «вот какая незадача», военные и кабинетские уже давным-давно в скоросшивалках дела водят, а несчастные финансисты вынуждены по старинке картонки нитками сшивать.

Пришлось пообещать немедленно, то есть в ближайшее же время, исправить досадное недоразумение. И еще умудриться не рассмеяться этому, видно, неплохому человеку в лицо. А вот потом, уже в карете по дороге домой, вспомнив этот эпизод похода на Мойку, в здание Генерального штаба, задумался всерьез. Просто Герочка с присущей ему непосредственностью брякнул что-то вроде: «Мраморному дворцу мы с тобой нравимся куда больше, чем Зимнему».

Никто не делал секрета из того, что большую часть штата Минфина составляли протеже великого князя Константина Николаевича. Как и из того, что громоздкое здание на Фонтанке – Министерство внутренних дел – было полностью под контролем государя императора. И если Константин был лидером всех столичных либеральных сил, то Александр в последнее время все больше привечал консерваторов.

Но только тогда, после двух визитов в разные присутствия, я осознал, что отношение ко мне может быть частью какой-то новой для меня, но привычной для столичных жителей придворной игры.

Догадка стоила того, чтобы ее проверить. И я отправил визитку в Морское министерство. А если точнее – контр-адмиралу Семену Ильичу Зеленому, директору гидрологического департамента. Иметь на своей территории тысячекилометровые водные пути, никак не исследованные и оттого неэффективно использующиеся, и не попытаться привести их в порядок было бы несусветной глупостью. Тем более если мне это потенциально не должно хоть чего-нибудь стоить. Уж содрать с пароходчиков мзду за качественные лоции Обь-Иртышского бассейна я сумею. А без нее, родимой, у нас ничего хорошо не делается. Не из своего же кармана специалистам доплачивать, если транспортникам это больше всех и нужно?

Хотя, честно говоря, я надеялся таким путем слегка увеличить казначейские сборы. В ежегодном всеподданнейшем отчете это немаловажная статья. По финансовой эффективности не в последнюю очередь судят о качестве губернского правления. Не зря же любимой деятельностью каждого краевого начальника является сбор недоимок. А тут, даже при ставке четыре копейки с пуда, сто шестьдесят тысяч в год! Это если данные пароходчика Осипа Адамовского верны и через Томск ежегодно по воде проходят четыре миллиона пудов транзита. Если еще учесть, что согласно росписи доходов и расходов империи, опубликованной перед Рождеством в столичных «Ведомостях», весь бюджет страны чуть-чуть заполз за четыреста миллионов, моя малая прибавка неминуемо привлечет внимание.

Кстати сказать, в моих письменных просьбах прислать специалиста по водным путям никто не отказывал. Все со всем соглашались и даже поддерживали. Целиком и полностью. Безмерно. Только с места ничего не двигалось...

Как там говаривал один кинематографический злодей? Хочешь что-то сделать хорошо – сделай это сам? Вот я и собрался посетить его превосходительство контр-адмирала. Так сказать, в глаза взглянуть этому почтенному астроному и профессору.

У Семена Ильича было две бороды. Странная все-таки в то время была мода. Допускалась любая растительность на лице, при условии что подбородок останется голым. Вот господин Зеленой и оставил... пробор. Ну или отрастил бакенбарды-переростки, как хотите... Не знаю, должно ли это «разделение» бород что-то символизировать или контр-адмирал таким образом проявлял индивидуальность, но спорить с системой он не стал.

Принял меня Семен Ильич ласково, внимательно выслушал и обстоятельно рассказал, по какой именно причине не может немедленно выделить мне какого-нибудь гениального гидрографа. В его доводах был смысл, и они не казались простыми отговорками. Оказалось, что опытных людей просто не хватает. Все хоть сколько-нибудь приличные специалисты занимались промерами Балтийского моря с Ладожским озером в придачу. На Каспии тоже начались работы. Но самая большая бригада занималась составлением лоций Восточного океана.

– А вот ежели, господин губернатор, с Русской Америки офицеров отозвать да к вам на Обь препроводить, так это, мне думается, весьма возможно, – развел руками двубородый. – Однако же и это никак не ранее будущего года. Коли же вам, Герман Густавович, срочно, так примите рекомендацию. Поищите знающих людишек в Европах. Оно и вернее будет, и, поверьте старику, быстрее. Только с жалованьем сами, любезный мой, сами! Нас и так... Бюджет урезали донельзя. Броневые корабли строить затевают...

– Зачем же с Америки отзывать? – заинтересовался я. – Мне же и кадета какого-нибудь довольно станет.

– Приказано работы там сворачивать, – вздохнул ученый моряк. И тут же хитро улыбнулся. – А по каким причинам, о том вам у его высочества генерал-адмирала нужно вывести. Константин Николаевич весьма в вас, господин губернатор, заинтересован.

Больше чем уверен, что удачно, по его мнению, ввернув о великом князе, Зеленой нарушил сразу все данные ему перед нашей встречей инструкции. Дирижер из Мраморного дворца наверняка хотел ненавязчиво меня к себе направить. Чтобы это не выглядело таким неформальным приглашением, а я сам испросил аудиенции. Моя догадка полностью подтвердилась. Оставалось еще понять, зачем я великому либералу понадобился.

Из посещения министерств я кроме уверенности в скорой встрече с младшим братом царя вынес еще и возможность заработать лишнюю копеечку. Я не о необходимости создания подставной организации для получения контракта на поставки канцтоваров в морское и финансовое министерства, это само собой разумеющееся. Я о своем новом «изобретении», чертеж которого нацарапал тут же, как только добрался до бюро в своей комнате.

Карты, чертежи и прочие большеформатные изображения сейчас хранят в тубах. И не потому, что так пока принято. Просто качество бумаги такое, что сгибы немедленно превращают нужные вещи в никому не нужный мусор. В набор лохматящихся по краю прямоугольников. Соответственно, когда карты для работы стелили на стол, края приходилось прижимать подручными тяжелыми предметами, что оказалось совершенно неудобно и ненадежно. Еще в кабинете Рашета, что ли, я поинтересовался, отчего он не прикалывает карту к столу кнопками. И выяснил, что инженер-генерал о такой вещи знать не знает и ведать не ведает. То же самое повторилось у Зеленого.

Что сложного в кнопке? Маленький металлический диск с выдавленным жалом-гвоздиком. В мое время какой-то вариант этой незаменимой мелочи валялся в столе любого чиновника, врача или инженера. Приколоть объявление к стенду, лист ватмана к кульману или

листок-напоминалку к стене – всюду она нужна. А школа? Как же можно забывать о школе? Сколько счастливых семей началось с вовремя подsunутой соседке по парте кнопки! Нет, я просто обязан осчастливить человечество этим гениальным изобретением!

Густав Васильевич не впечатлился. Но каракули забрал, пообещав ко времени моего доклада в Вольном обществе изготовить горсточку. Очень уж мне понравилась идея заодно рекламу новому девайсу устроить – приготовить схемы и графики и приколоть их к деревянным реечкам кнопками. Пусть все смотрят и удивляются.

Впрочем, до лекционной кафедры еще нужно было добраться. Пока же меня куда больше волновала вся эта необъяснимая возня вокруг. Интриги с непонятной целью. Интерес со стороны принца, великого князя и царских детей, грозящий разорвать Германа Густавовича Лерхе на несколько разновеликих кусочков. После долгих раздумий, отбросив первый порыв – плюнуть на все и рвануть в Ораниенбаум, к княгине Елене Павловне, решил все-таки спросить совета у отца.

Нужно сказать, старый генерал отнесся к итогам моих переговоров с Наденькой Якобсон как-то... странно. Боюсь признаться, но мне показалось, он был доволен, как добравшийся до сметаны кот. И со мной стал каким-то подозрительно ласковым. Однажды даже пожелал мне доброго утра! Герочка после такого проявления родительской любви полдня мог говорить только междометиями...

Собравшись с силами, я заявился в кабинет к седому доктору права и, каждую секунду опасаясь выдворения по приговору в малозначительности сих терзаний, торопливо вывалил на него всю историю своих приключений в столице вкупе с мыслями и подозрениями. И уже на следующий же день в обед сидел в уютном кабинете кафе-ресторана «Гейде», что на Кадетской линии Васильевского острова.

Заведение было прекрасно известно Герману. Хотя бы уже потому, что изначально принадлежало его деду Карлу. Теперь же, после смерти старого ресторатора, им занимался Герин дядя по матери – Карл Карлович. Так что любой член семьи Лерхе мог рассчитывать на самый радушный прием в этом совершенно немецком кабачке.

Ресторанчик не имел ничего общего с иными, самыми дорогущими и моднущими вроде «Дюссо», «Домона» или «Бореля». Ни отделкой, ни перечнем блюд, ни каким-нибудь особенным, сверхпредупредительным сервисом. Средней руки трактир в среднем немецком городке с «бизнес-ланчем» за шестьдесят копеек серебром. В салате было по-немецки мало масла и много уксуса, зато в меню полностью отсутствовали какие-либо кондитерские изделия. Вместо сладостей – бильярд и стол для игры в кости. А в остальном – скорее пахший табачным дымом и свежим пивом клуб, где все посетители друг с другом знакомы. И где посторонним господам не очень-то рады.

В одной с нами компании был, например, человек, которого и обслуживать бы в «Гейде» не стали, не явись он вместе с Вениамином Асташевым – красавцем-ротмистром в мундире лейб-гвардии конного полка. Да тот и сам бы не посмел зайти, несмотря на все свои миллионные капиталы. Не тем человеком был Гораций Осипович Гинцбург, чтобы спокойно слушать за спиной шепотки. «Еврей в немецком клубе? Ах, что вы, право! Какой конфуз!» Тем не менее сейчас он сидел прямо передо мной. Приземистый, коренастый, как сказочный гном, с возмутительной для верноподданнического «бритого» общества курчавой бородкой.

Как я уже говорил, небезызвестного столичного банкира привел Асташев-младший. Ротмистра пригласил, естественно, Асташев-старший. Которому, в свою очередь, назначил встречу в «Гейде» генерал-комиссар Якобсон. Этаким вышел паровозик...

С нашей лерховской стороны на высоких переговорах присутствовали я, старый генерал и отцов младший брат Карл Васильевич Лерхе – начальник канцелярии и личный секретарь принца Ольденбургского. Ввиду полного житейского идиотизма его высочества всеми делами, и политическими, и финансовыми, давно занимался дядя Карл.

Ну и в роли «тяжелой артиллерии» Густав Васильевич привел с собой давнего друга и партнера по операциям с ценными бумагами барона Штиглица Александра Людвиговича. Это был пятидесятилетний высоченный господин с тщательно зачесанной реденькими волосиками плешью и белоснежными, похожими на оставленную после бритья пену, бакенбардами.

Я слегка волновался. Все, о чем говорилось за этим грубым деревянным столом, как-то меня касалось. Эти люди, несмотря на их невысокий официальный статус, были весьма и весьма хорошо осведомлены. И благодаря информированности имели за спиной по огромному мешку с деньгами. Но самым пугающим было то, что даже если бы я каким-то совершенно фантастическим образом смог добиться высочайшего дозволения на строительство в губернии железной дороги, без их финансового участия дело было бы обречено на провал. Что ярко выраженный еврей Гинцбург, что лютеранин с иудейскими корнями Штиглиц были лакмусовыми бумажками для большинства отечественных и всех иностранных инвесторов. Стоило двум этим господам решить, что мой проект неинтересен, и можно голову расшибить, но так и не найти понимания ни в одном ином банкирском доме от Екатеринбурга до Парижа.

– Настораживает излишнее, по моему скромному мнению, копошение окрест нашего молодого друга, – немного наклонившись вперед, тихо проговорил Александр Людвигович. – Особенно в момент, когда требующиеся бумаги готовы и уже лежат в числе первых в папке секретаря его величества. Я полагаю, Карл Васильевич в силах нам открыть глаза на происходящее?

– Да. Конечно. Для меня нет ничто скрытого! – начал дядя Карл по-французски, но, заметив недовольную гримасу на лице не обученного языкам Ивана Дмитриевича Асташева, поспешил перейти на русский. – Непременно, господа. Здесь для меня все совершенно ясно. С чего же начать?

– С вздорных мечтаний моей будущей снохи, – с невозмутимым видом заявил отец. Чем заставил смутиться своего друга, главного военного интенданта империи. – Что это еще за сопливые заговорщики? И как Надежда Ивановна могла дерзнуть упоминать его высочество великого князя Александра Александровича?

– Да уж, – поддержал старого Лерхе Гораций Гинцбург. Его бас, как звук внутри полкового барабана, еще секунду вибрировал в стенах кабинета. – Их заигрывания с огнем подвергают нашего молодого губернатора неоправданному риску.

Меня измерили, взвесили и признали годным. Забота откровенно радовала. Знать бы еще, чего мне это будет стоить. В бескорыстную любовь главы крупнейшего банкирского дома империи я не верил.

– Насколько мне известно, господа, – усмехнувшись и взглянув на насупившегося Якобсона, принялся рассказывать секретарь Ольденбургского, – это целиком и полностью лежит на совести мадемуазель Мещерской. Вам должно быть ведомо, какое влияние она оказывает на молодого царевича. Ну и, конечно, здесь присутствуют нежные ручки принцессы Терезии, неожиданно вспыхнувшей материнской любовью...

Все понятиливо кивнули. Гера сунулся было объяснять и мне, но я его заткнул. Невелика хитрость. И так понятно. Раз Никса никогда не женится на Катеньке Ольденбургской, значит, он не должен достаться и Дагмаре. Чем хуже – тем лучше. Ведьму Терезию больше всего устроил бы международный скандал. Дания только-только проиграла войну и лишилась изрядного куска земель. Брачный союз с наследником Российской империи в какой-то мере компенсирует военные потери в глазах мирового сообщества и поэтому должен состояться любой ценой. Однако этот брак совсем не устраивает Пруссию. Собирателям германских княжеств ни к чему на соседском троне императрица, ненавидящая все немецкое. Нисколько не сомневаюсь, что прусский посланник уже успел намекнуть Терезии, что исход торговли за претензии на Лауэнбург напрямую зависит от успеха матримониальных планов царской семьи.

– Катенька со своей неумной родительницей – это еще можно понять. – Якобсон надеялся хоть как-то обелить имя дочери. – Моя Наденька всегда была дружна с детьми принца. Но при чем здесь Мещерская? И как ей удалось настолько повлиять на Александра, что он стал готов интриговать против собственного брата?

– Я слышал, – осторожно вклинился в разговор Вениамин Асташев, – что не все в окружении цесаревича довольны его увлечением датской принцессой. Его императорское высочество Александр Александрович же в силу своей... своего характера непременно отказался бы помогать противникам союза его брата с Дагмарой. Возможно ли, что княжна Мещерская попросту использовала тягу Александра к справедливости? В офицерских собраниях все еще муссируется слух, будто наследник не слишком ласково обошелся с нашим... с Германом Густавовичем.

– Вполне возможно, Вениамин Иванович, – сделав еле заметную паузу, чтобы припомнить имя блестящего кавалерийского ротмистра, согласился Штиглиц. – И раз уж вы отличились столь светлыми рассуждениями, извольте предложить, как нам исключить великого князя Александра, а вместе с ним и молодого Лерхе из этой камарильи?

– Довольно станет и того, чтобы о том узнала Мария Александровна. Герман не сочтет за труд написать своей покровительнице, княгине Елене Павловне, что не имеет отношения к маневрам начитавшихся романов девиц. Ныне они с императрицей дружны как никогда. – После нескольких глотков янтарного, пахнущего хмелем и летним ветром пива речь старого генерала Лерхе стала гораздо живее, чем обычно. – Однако же и Надежду Ивановну нужно как-то оградить... Да-да, оградить.

Якобсон спрятал мелькнувшую улыбку в усы и приосанился. Понял, что никто не собирается его бросать на произвол судьбы.

– Отправить ее на время в имение? – предложил он. – Пока все не уляжется.

– Боюсь, это невозможно, Иван Давыдович, – качнул головой дядя Карл. – Подле принцессы Марии Федоровны непременно должен быть кто-то от нас.

– Иметь представление о чаяниях молодой иностранной княжны было бы полезно, – осторожно согласился Гинцбург. Было заметно, что он впервые участвует в такого рода разговорах. Прежде столичные жители охотно пользовались деньгами банкирского дома, но не спешили принимать евреев, бывших винных откупщиков из Винницы, в свое общество.

– Быть может, мне еще раз встретиться с Надеждой Ивановной? – просто чтобы не молчать, когда все обсуждают мою судьбу, сказал я. – Объяснить ей все?

– Я ей объясню, – зловеще пообещал Якобсон. – За это можете не беспокоиться. В нашей семье никаких эмансипе не будет, покуда я жив.

Лерхе-старший довольно кивнул:

– А не в то ли имение ты, Иван Давыдович, хотел доченьку отправить, что в приданое обещано?

– Мы на том не сошлись, – покачал головой интендант.

– Ну уж сейчас-то непременно сойдемся, – не согласился отец.

Теперь я понял, чему он обрадовался, когда первая моя встреча с нареченной эдак-то неудачно закончилась. И нисколько не сомневался, что Якобсону точно придется добавить к приданому вышневолоцкие уголья.

– Господа! – поспешил отвлечь двух стариков от споров барон Штиглиц. – Я рад, что все препятствия к союзу двух прелестных молодых людей остались в прошлом. И все-таки предлагаю вернуться к делам. Мы еще не слышали мнения Карла Васильевича по поводу высочайшего благоволения к нашему Герману Густавовичу. Мне известно, что и... эм... Гораций Осипович по моему примеру принялся выводить средства из оборота, дабы иметь возможность участвовать капиталами в сибирских прожектах...

Гинцбург удивленно вскинул брови и тут же натолкнулся на снисходительную улыбку Александра Людвиговича. Учись, мол, студент. Информация – это наше все!

– Мы рассчитывали на то, что бумаги не увязнут в министерствах, – невольно копируя тон старшего товарища, но гораздо более прямо прогудел бородатый банкир. – Это было бы излишне расточительно. Прелесть прожектов была в их определенности и быстрой оборачиваемости.

– Быстрой? – удивился я. В моих бумагах указывался срок окупаемости заводов – пять лет, а железной дороги – пятнадцать. И, честно говоря, я сам в этом сомневался.

– Начнем с определенности, – ускользнул Штиглиц. – Карл Васильевич, не соблаговолите?

– Охотно, Александр Людвигович, охотно. Тем более что с этой стороны нам никакие неожиданности не грозят. Охлаждение же государя к нашему дорогому Герману – не более чем игра. Александр, как вы знаете, чувствительный и совестливый человек. Однако же и он вынужден умирять свои чувства в угоду политической надобности. Отсюда и удаление Германа из Царского Села, и проявление мнимого неудовольствия. Стоит лишь молодому Лерхе проявить себя в какой-либо иной, не связанной с цесаревичем Николаем области, и высочайшее благоволение тут же вернется.

– Я рад, – без энтузиазма выговорил я. Чего-то подобного я и ожидал. Уж слишком плохой актер принц Ольденбургский. – Тем не менее мне хотелось бы знать, что господа банкиры подразумевают под быстрой окупаемостью?

– Да что вы, право, Герман Густавович, пристали к этой мелочи! – расправив влажные от пивной пены усы, воскликнул кавалерийский ротмистр. – Не довольно ли того, что ваши прожекты станут осуществляться?

– Отнюдь, Вениамин Иванович. – Фу, еле выговорил. – Нет у меня уверенности в скорейшей прибыли с дороги, для которой еще и рельсы не начали делать. Не хотелось бы ввести в заблуждение уважаемых господ. Они ведь намерены существенные капиталы в это дело вложить...

– За это можете не волноваться, молодой человек, – решил успокоить меня барон. – В нашем обществе честное имя куда дороже денег стоит.

– Так и я о том, Александр Людвигович. И я о том. Какая тень на ваши имена ляжет, если мы акционерам пообещаем скорые дивиденды, а их не будет! Да и ваши деньги надолго в строительстве застрянут.

– Да где же застрянут? – заволновался Гинцбург. – Подписать на акции дороги на миллион – это же так не значит этот миллион тут же отдать.

– А что же это значит? – удивился я. Надеюсь, вполне достоверно удивился. Потому что уже стал догадываться, что за махинацию решили проверить эти прохиндеи. Не зря же Рейтерн меня об облигациях предупреждал.

– Это значит, Герман Густавович, что мы с господином Гинцбургом готовы поручиться своим именем в благонадежности вашего предприятия, – опередил еврейского банкира Штиглиц. Судя по выражению лица управляющего Госбанка, разговором он был весьма недоволен. – Кто же иначе рискнет доверить капитал на строительство хоть чего-нибудь в дикой Сибири?

– Спасибо. – Я даже ладонь к сердцу прижал в доказательство искренности. – Огромное вам, господа, спасибо. Но какая же здесь прибыль? Согласно Уложению об акционерных товариществах, подписка на участие – это выражение готовности выкупить заявленное число долей. Ни о каком участии в распределении какой бы то ни было, даже потенциальной прибыли речи не идет. Или я что-то неверно понимаю? Я опасюсь, что...

– Вот только не надо опасаться! – От волнения у Горация Осиповича прорезался яркий еврейско-одесский говор. – Таки мы должны опасаться. Не скажу за господина барона, а наш

банкирский дом готов миллион серебром на ваши прожекты положить. А это-таки немалые деньги, молодой человек!

– Миллион? – выдохнул я. – Всего? Да на один железоделательный завод нужно два как минимум. А на дорогу и пятидесяти мало!

– Пятьдесят? – округлил глаза Асташев-старший.

– Это не так много, как представляется, – неожиданно ласково улыбнулся Штиглиц. – Я добавлю еще миллион. Господа Лерхе тоже что-то вложат. По подписке что-то наберется. Но основное – это, конечно, займы. Придется выпустить облигации долгосрочного займа под три процента. Их ныне охотно покупают в Европе.

– И кто же станет выплачивать им заявленную прибыль, коли еще ничего нет?

– А вот господин Рейтерн и станет. Он так ратовал за частных железнодорожных строителей, такие с генерал-лейтенантом Мельниковым полемики учинял, что государь был вынужден особым рескриптом повелеть, чтобы акционерным обществам по пять процентов дивидендов из казны выплачивалось на вложенное со дня начала изыскательских работ. Да и наш друг... Гораций... эм... Осипович гарантии дает, что в Париже через отделение их банка облигации наши с изрядным привеском сторгует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.